

18+

ВЛАДИМИР
ГОРАЛЬ

ДОЗНАНИЕ
КАПИТАНА
СТАШЕВИЧА

18+

Владимир Гораль

Дознание капитана Сташевича

«Издательские решения»

Гораль В.

Дознание капитана Сташевича / В. Гораль — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554342-4

Полное издание. Части романы ранее публиковались отдельно. Расследование преступления в лагере для военнопленных знакомит читателя с бывшим следователем контрразведки Смерш капитаном Сташевичем. Преступление обязательно будет раскрыто и справедливость восторжествует. Таков финал романа «Нуар в таежных тонах». Но будет ли окончена история? С капитаном Сташевичем мы вновь встретимся во второй части дилогии — «Иркутская рапсодия». На этот раз в качестве начальника оперативной группы «Ангара» в отделе убийств одного из центральных районов города Иркутска. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-554342-4

© Гораль В.
© Издательские решения

Содержание

Нуар в таёжных тонах	6
Пролог	6
Часть первая	11
Глава первая. Капитан Сташевич	11
Глава вторая. Майор Бабр	14
Глава третья. Бирюслаг	18
Глава четвёртая. Младший лейтенант Рогозин	20
Глава пятая. Бабр сердится	22
Глава шестая. Начпрод Гришаня	24
Глава седьмая. Военнопленный Бравен	25
Глава восьмая. Лагерный старшина Шнитке	27
Часть вторая	30
Глава первая. «Окаянный дом»	30
Глава вторая. Пуговица	34
Глава третья. Фон Бравен	38
Глава четвёртая. «Дознание капитана Сташевича».	43
Станислава Каземировна	
Глава пятая. Ювелир Каплан	46
Глава шестая. «Дело – табак»	48
Часть третья	53
Вместо пролога	53
Глава первая. Допрос «маркитанта»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Дознание капитана Сташевича

Владимир Гораль

© Владимир Гораль, 2021

ISBN 978-5-0055-4342-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Нуар в таёжных тонах

*Так ждут нас наши мёртвые в могилах,
Как дети у забора в детсаду...*

Инна Кабыш

Пролог

Вальтер фон Бравен

Декабрь 1941-го

Последнее Рождество выдалось исключительно ужасным. Да что там говорить – до крайности разочаровывающим оно выдалось. Гений германской военной мысли, архистратиг фюрера, генерал-фельдмаршал фон Бок¹ накануне нового сорок второго года не сдержал своего слова. Его доблестные офицеры так и не удостоились победного новогоднего рейхс-приёма в московском Кремле. Не прошли они по Красной площади и не попали в тепло лучших домов побежденного стольного града.

Москва не пала. Тринадцатый танковый полк, в который входил разведывательный взвод фон Бравена, понёс на подступах к столице тяжёлые потери. Практически разгромленные войска русских неожиданно контратаковали, и под мощными ударами рыцари фюрера дрогнули. Непобедимые, вместе с пехотой и другими германскими частями, закованные в танковую броню воины вынуждены теперь спешно «следовать на переформирование» под Смоленск. Да что там следовать! Честно говоря, это называется просто – драпать.

– И откуда они свалились на нас? Чёртовы «свежие сибирские дивизии Сталина», – устало кривил губы Вальтер фон Бравен и с горькой усмешкой отвечал сам себе: – Понятно откуда, из Сибири. При одном взгляде на карту содрогается цивилизованная европейская душа. Как же огромна, как необъятна эта русская Сибирь! Настоящий лесной океан...

Холодно Вальтеру, очень холодно. Только его механику-водителю тепло. Парню повезло, его греет работающий мотор. Топливо в панцервагене² почти на пределе, поэтому Вальтер запретил экипажу включать обогрев танковой башни. Вальтеру фон Бравену всего лишь двадцать два года, но он не мальчишка. Вальтер – германский офицер. Звание: обер-лейтенант. Должность: командир разведывательного взвода лёгких танков.

Все последние сутки взвод Вальтера месил ледяную грязь на какой-то глухой дороге, затерянной в смоленских лесах. Наконец, на остатках топлива три танка фон Бравена осторожно выползли из чащи, буквально «прокрались» на лесную опушку. Вальтер в бинокль принялся внимательно изучать деревеньку, маячащую за снежным полем. Впрочем, деревенькой назвать это зрелище было трудно – только чёрные остовы домов виделись вдали. Скорее всего, деревню еще летом сожгли то ли бандиты-партизаны, то ли отступавшие от Смоленска русские части.

– Ничего нового, всё логично, – хмыкнул себе под нос Вальтер и пожал плечами. – Не далее как вчера, отступая от Москвы, наши парни делали то же самое с русскими деревнями. Если успевали, конечно.

¹ Генерал-фельдмаршал фон Бок (1880—1945) – командующий группой армий «Центр» при вторжении в СССР и наступлении на Москву осенью 1941 года.

² Панцерваген (нем. Panzerwagen) – название броневедомогили или лёгкого танка в разговорной форме.

Через цейсовскую оптику обер-лейтенант разглядел три хибары на краю села. Тронутые огнём, покосившиеся от близких разрывов, они были всё же целые. Опустив бинокль, он приказал двоим подчинённым разведать обстановку.

Вскоре старший танкист со смешной фамилией Нахтигаль³ и не менее забавным прозвищем Нахти бодро оттрапортовал:

– Разрешите доложить, герр обер-лейтенант! Деревня практически пуста!

Молоденький, рыжий и веснушчатый Нахти поправил трофейный русский утеплённый шлемофон, постоянно сползающий на глаза. Продемонстрировав симпатичные ямочки на конопатых щеках, старший танкист улыбнулся:

– Правду сказать, на краю деревни нашлись три русских тётки. В единственном уцелевшем доме нашлись. Но, осмелюсь предположить, они не опасны.

По радиации удалось связаться со Смоленском. Из ставки командования сообщили, что контрнаступление русских приостановлено, и пообещали доставить горючее в течение суток. Это было весьма кстати, поскольку топлива оставалось на полчаса хода, да и только в баках командирской машины.

Приказав двоим солдатам охранять танки, с десятком других Вальтер отправился в деревню. Обстановка единственного уцелевшего дома выглядела весьма убого. Да что там убого – просто ужасно! Грязь, вонь, запустение. При виде немецких солдат три женщины, закутанные в бесформенные ватники и платки, впали в ужас и забились в дальний угол. Вдобавок ко всему в доме отчаянно мекала настоящая живая коза. Бродя по избе, она с перепугу роняла помёт на затоптанный деревянный пол.

Но главное – внутри было тепло. Старая русская печь в центре жилища грела это убогое помещение вполне сносно.

– Разрешите доложить, герр обер-лейтенант! – раздался над ухом Вальтера возбуждённый и по-мальчишески звонкий голос вездесущего Нахти. – Рядом с домом имеется пристройка. Это деревенская баня. Я проверил, печь там исправна. Так, может быть, мы?..

Поначалу Вальтер хотел отправить замызганных русских баб именно в эту баню. Идеологические предрассудки, которыми молодой офицер и наследственный аристократ особенно не страдал, здесь были ни при чём.

«Не оставлять же их в доме рядом с голодными во всех отношениях солдатами, – подумал он. – Какие ни есть, а всё-таки это женщины!»

Поразмыслив, однако, офицер пришёл к другому выводу. Ведь в данный момент даже он, юный барон фон Бравен, представляет собой далеко не лучший образец телесной чистоты. А потому незапланированная помывка стала бы настоящим подарком судьбы для него и его людей.

На ломаном русском Вальтеру удалось объяснить бестолковым тёткам, чего от них требуется. У немцев нашлось мыло, а у баб ведра и даже пара жестяных тазов со странным названием «шайки». Воды хватало, хоть залейся. Благо тонны снега под рукой, его лишь натаять побольше.

Солдаты быстро наладили процесс помывки. И часовых в лесу не забыли, первые же чистые парни их сменили. Дождавшись последнего танкиста, Вальтер сам, наконец, отправился в баню.

Русская парилка оказалась настоящим чудом. Особенно на фоне прошлого месяца, когда целыми неделями приходилось довольствоваться кипятком из чайника, а чаще простым обтиранием посредством наодеколоненных тряпок.

³ Нахтигаль (нем. Nachtigall) – соловей.

– Как противоестественна война... И как, черт побери, ценны простые радости жизни! – расслабленно философствовал фон Бравен, сладостно развалившись на скамейке предбанника. После влажного жара парной даже мысли текли вяло и неторопливо.

Через час он сидел в избе, на деревянной лавочке у стола. Солдаты спали беспробудным сном, отчаянно демаскируя своё местоположение молодецким храпом. Предвкушая скорую подмогу, они с лёгкой душой умяли весь оставшийся сухпаёк. По такому случаю у танкистов нашлась и пара фляжек со спиртным, ужасно пахнущим и убийственно крепким русским шнапсом. Мутная огненная вода здесь называлась «самогон». Парни не забыли оставить любимому командиру его законные сто пятьдесят граммов. Свою порцию Вальтер лихо приговорил залпом, как делают это местные.

С непривычки задохнулся, нутряной пожар пришлось заливать остывшим кипятком из чайника. Белый бок русской печи поплыл перед глазами – хмель резко ударил в голову. Покрутив мятую пачку сигарет, обер-лейтенант полез в карман за зажигалкой. Там ее не оказалось, и он принялся шарить по карманам френча. Зажигалка у него была приметная, серебряная. Неужели выронил по дороге? Потерять подарок отца было бы нехорошо.

Захмелевший Вальтер вспомнил своего весёлого молодого и красивого родителя, и сердце его сжалось от сентиментального сыновнего чувства. Старший барон фон Бравен воевал где-то за Киевом. Обер-лейтенант не сомневался, что отец прошел Украину так же доблестно, как и всю французскую кампанию.

При повторном обыске карманов зажигалка не обнаружилась.

– Шайзе! – разозлился фон Бравен-младший, поднимаясь. – Наверняка она выпала в этой чёртовой бане.

На дворе смеркалось, зимний вечер пришёл рано. Вальтер перешагнул порог приземистого домика. Через маленькое слюдяное окошко свет почти не проникал, пришлось нагнуться. Пошарив на полу, офицер нащупал дорогую сердцу потерю и с облегчением опустился на скамью.

В предбаннике было всё ещё жарко. Но удивило не это – из парилки донёсся плеск. Следом зашипела вода, выплеснутая на раскалённую каменку. Вальтер замер, когда тонкий девичий голосок, отчаянно фальшивя, тихонько запел:

*Много песен поет наш советский народ
Над полями, лесами густыми.
В каждой песне звучит, в каждой песне живет
Всенародное Сталина имя.*

Вальтер осторожно приоткрыл дверь в парную. В клубах густого горячего тумана он увидел голую мокрую девчонку, сидящую на полке. Худенькая девушка показалась ему стройной, несмотря на костлявые ключицы и маленькие острые груди. Незваное и необузданное желание внезапно захватило двадцатидвухлетнего Вальтера. Оно властно овладело телом, заставив содрогнуться душу. Это походило на мгновенное действие русского самогона, хмель которого он совсем недавно испытал.

Юный фон Бравен будто раздвоился.

– Это постыдно! Подумай о чести, – кричала прямо в мозг одна его часть.

– А какого чёрта? Давай возьми своё, парень! – глумливо ухмылялась в ответ другая. – Идёт война. Ты можешь в любую минуту сгинуть в небытие. Идиот, хочешь умереть девственником?

С непонятной самому себе злобой Вальтер скинул одежду, чтобы без раздумий шагнуть в парную. Девчонка испуганно взвизгнула, а затем сторяча метнулась к маленькому окошку, едва освещающему пространство приземистой бани. Вальтер поймал ее за скользкую мок-

рую руку, схватил и потянул к себе. Девушка принялась отчаянно отбиваться, но силы были неравны.

Сопротивляясь изо всех сил, она поскользнулась и с размаху грохнулась на пол. По инерции жертва потянула за собой и насильника. Вальтер не стал медлить. Он резко и грубо вошёл в девушку. Та захлебнулась криком боли, но Вальтер, яростно выругавшись, зажал ей рот мокрой ладонью. Раз за разом, отдыхая лишь короткие минуты, он овладевал девчонкой. Несчастная жертва давно перестала сопротивляться. Стиснув зубы, она лежала под ним молча. Только лишь в момент очередного бурного оргазма Вальтера по обнажённому девичьему телу пробежала неподконтрольная ей ответная дрожь.

Светало. Среди спящих солдат в тёмной избе, пропахшей потом и козым помётом, сидели насильник и его жертва. Каменным изваянием девчонка примостилась на другом конце лавки. От предложения покушать она отказалась. Впрочем, фон Бравену удалось впихнуть в неё полкругляша «военного» шоколада. Для этого пришлось применить силу. Следом, также насильно, он влил в рот девушки остатки трофейного самогона.

– Как тебя зовут? – мучимый раскаянием, запоздало поинтересовался Вальтер.

– Даша её зовут! Дарья Михайловна Громова, – раздался из темноты хриплый женский голос.

Закутанная в тёплое тряпье бесформенная фигура возникла из дальнего угла. Резким выстрелом в тишине прозвучала пощёчина. В то же мгновение распахнулась дверь, и в избу в клубах морозного пара ввалился старший танкист Нахти.

– Ахтунг! – заполошным фальцетом заорал солдат. – Герр обер-лейтенант! Русские!

Как ему удалось долететь до опушки леса, Вальтер и сам не помнил. Полуодетым солдатам, бежавшим следом за своим командиром, так не повезло – их окружили посреди заснеженного поля. Высунувшись из танкового люка, фон Бравен наблюдал теперь в бинокль за двумя десятками русских кавалеристов. Его парни стояли тесной кучкой. Так и замерли с лицами белее снега под их ногами.

Вокруг пленников картинно гарцевали на своих огромных лошадях конные русские. Кавалеристы и одеты были чересчур картинно: сверкающие сапоги со шпорами; новые синие галифе; роскошные чёрные и белые бурки; барашковые, с красным верхом папахи.

Один из конников, юный черноусый красавец, поддел шлемофон на голове насмерть перепуганного Нахти. Сделал это он ловко, кончиком длинной и чуть изогнутой на конце сабли. Обнаженная алая рыжина волос Нахти вспыхнула ярким пламенем. С беззвучным для Вальтера смехом уса́тый молодец подбросил добычу в воздух и тут же поймал её на кончик сверкающей сабли. С дальней, противоположной от Вальтера стороны, на опушке леса показался одинокий верховой. Великолепный вороной конь под ним нетерпеливо пританцовывал и прядал ушами. Всадник принялся внимательно разглядывать в бинокль именно то место, где сейчас находился танк Вальтера.

– Генерал Доватор⁴ здесь! Взвод, смирно! – со стороны группы конников донёсся возглас, едва различимый на таком расстоянии.

Приветствуя начальство, всадники быстро, с необыкновенной сноровкой выстроили своих коней в одну линию. Однако командира их показательный парад не интересовал. Сверкая стёклами бинокля, он вытянул руку вперёд.

– Указывает на меня! – холодея от ужаса, словно в кошмарном сне, понял Вальтер.

⁴ **Доватор Лев Михайлович** (1903—1941) – легендарный кавалерист времён начального этапа Великой Отечественной войны. Генерал-майор. Руководил конными рейдами по немецким тылам при обороне Москвы и контрнаступлении зимой 1941 года. Погиб в ходе очередного рейда в декабре 1941 года.

Генерал что-то прокричал своим бойцам, и обер-лейтенант не стал медлить. Нырнул в башню и, прощёлкав несколько осечек, выпустил в сторону русских длинную очередь из пулемёта. Прильнув с биноклем к амбразуре, Вальтер увидел несущихся к нему всадников. На заднем плане русский командир, сжимая в руке бесполезный бинокль, безжизненно лежал у ног своего вороного. Всё с той же нарочитой картинностью белый снег вокруг его тела быстро темнел, стремительно превращаясь в чёрный.

Вальтер перевёл взгляд на своих танкистов. Зря он это сделал – такое остаётся с человеком до конца жизни. Позже фон Бравен узнал, как называется эта русская казачья сабля. Шашка – вот как она называется. Красиво сверкая в лучах рассветного солнца, летала шашка юного усаха над головами пленных немцев. Вот распался на две аккуратных половинки чей-то несчастный череп, фонтан алой крови забил из шейных артерий. Мелькнула в воздухе чья-то отсечённая рука с чёрной полоской часов на запястье. Мелькнула и приземлилась на исполованный красным снег.

В беспамятстве, действуя как автомат, Вальтер завёл двигатель. По счастливому везению, тот сразу взял обороты, несмотря на мороз. Бронированная машина в яростном отчаянии выпрыгнула из леса на заснеженное поле. Легкий танк, лязгая траками, стремительно понёсся вперёд, навстречу летящим к нему всадникам. Увидев перед собой самоходное боевое железо, неуязвимое для кавалерии, русские резко осадил своих скакунов, чтобы мгновенно рассыпаться по полю. Последнее, что случайно заметил в трясущейся перед глазами амбразуре Вальтер, была огненно-рыжая голова Нахти на окровавленном снегу. Веснушчатое лицо и полные недоуменного ужаса голубые глаза мальчишки были обращены к небу.

– Где Я? Где теперь Я? – тщетно вопрошали эти глаза равнодушную бездонную синь.

Часть первая Бирюслэг

Глава первая. Капитан Сташевич (Сын за отца)

Ноябрь 1946-го

Андрей Сташевич, двадцатипятилетний демобилизованный капитан военной контрразведки Смерш⁵, прибыл в сибирский городок Тайшет. Как и подобает дисциплинированному советскому офицеру, он отметился в гарнизонной комендатуре точно в срок. Ранняя зима завершающегося сорок шестого года здесь была уже в самом разгаре. Как ни крути, а конец ноября для Сибири – это всегда солидный мороз и не менее солидный снег. И пусть эта часть Сибири считается южной...

Москвичу Сташевичу данная бессрочная командировка в Сибирь казалась настоящей ссылкой. И за что? За плечами четыре с лишним года войны. Сначала московское студенческое ополчение. Затем ранение, госпиталь, офицерские курсы армейской контрразведки. Вылазки в немецкий тыл. Два с лишним десятка разоблачённых абверовцев. Четыре ранения. Награды, ордена. И вот тебе, Андрюша, главная благодарность за все заслуги – направление в сибирский ГУЛАГ. На должность заместителя начальника по оперативной работе в лагере для военнопленных.

– А что, капитан? – равнодушно пожал плечами московский майор-кадровик. – Немецкий язык знаешь в совершенстве? Тебе и карты в руки! Служи.

Невеста Андрея, девушка Алина из интеллигентной профессорской семьи, горько проплакала целых два дня. После чего решительно приструнила в своем девичьем сердце большую любовь к жениху и ехать за ним в глухомань отказалась. Не для того ее растили, чтобы отправить к медведям в гости, в неведомый сибирский городок Тайшет.

Бывший университетский наставник, несостоявшийся тесть Андрея, профессор Сергей Зорин был старинным другом семьи Сташевичей. Зорин повёл себя весьма достойно, а по тем страшным временам, можно сказать, отважно, когда Казимира Сташевича, заведующего кафедрой геологии, в тридцать восьмом увезла в небытие «Чёрная Маруся»⁶. Отца упекли за одну лишь принадлежность к польской нации.

На Андрея Сташевича давили как сотрудники «компетентных органов», так и сам декан университета. Угрожая отчислением, он настоячиво советовали отречься от преступного отца, взять девичью фамилию русской матери.

Предложение выглядело просто:

– Всего и делов-то! Был Сташевич, стал Сиротин!

Андрей наотрез отказался. А Зорин же помогал Сташевичам чем мог. Правда, без особой огласки, но поддерживал – морально и, что важнее, материально. И еще он не дал отчислить Андрея из университета, лично за него поручился.

⁵ **Смерш** – сокращение от «Смерть шпионам!». В 1943—45 гг. общее название контрразведывательных подразделений СССР в армии и на флоте.

⁶ **«Чёрная Маруся»** (он же «чёрный воронок» (жарг.)). Автомобиль для перевозки арестованных в годы сталинских репрессий.

Казимира Сташевича реабилитировали в сороковом, сразу после расстрела бывшего наркома Ежова⁷. Правда, родной НКВД для своей жертвы это доброе дело сделал посмертно. Позже, во время войны, будучи офицером контрразведки, Андрей по странному стечению обстоятельств познакомился с неким Рюминым, лейтенантом Смерша. Тот в тридцать восьмом вёл дело его отца и каким-то чудом уцелел после краха своего шефа.

Десятки его коллег пустили тогда в расход новые бериевские следователи, а этому же повезло, отделался простым понижением. Был себе майором госбезопасности, вот-вот собирался в старшие майоры, а превратился на четвёртом десятке в лейтенанта. Хорошо ещё, что не в младшего. Оно, конечно, не то что в армии. Лейтенант госбезопасности по званию равнялся старшему армейскому лейтенанту, но всё равно обидно.

– Ты, Андрюха, хоть и наполовину «пшек», но парень свой, настоящий. Так что делай со мной чего захочешь! – размазывая по щекам пьяные слёзы, шептал ему во фронтовой землянке Рюмин. – Вот возьми и пристрели меня сейчас из моего личного вальтера. Только я твоего батю приговорить не успел. Сердце у него большое было. Он сам в камере умер. Бить – бил, было дело! Так уж полагалось. Но не приговаривал. Кто ж вам, полякам, виноват, что у вас так много родни за границей? У папаши твоего брат двоюродный оказался, какой-то знаменитый на всю Европу доктор по психам. Вот за братца своего он и пострадал. А нечего было отцу твоему знаменитую родню в ихних вражеских Европах плодить!

– О как... Железная логика, – молча слушая пьяного гада, стискивал зубы Андрей. – Да и чему тут удивляться?! Как говаривала мама отца, покойная бабушка Гося: «Czyja siła, tego prawda»⁸.

На фронте всякое бывает, и капитан просто воспользовался случаем. Как-то они вдвоём с Рюминым, не считая шофёра, везли в штаб дивизии важного языка, немецкого оберста⁹. Этого ценного фрица их полковые разведчики с превеликим трудом доставили из самого глубокого германского тыла. Оберст этот оказался настолько ценным, что по его душу немцы отрядили целую диверсионную группу. Хотели, видимо, отбить. А если не удастся – ликвидировать...

На лесной дороге перед закрытым «Виллисом» Сташевича и Рюмина вдруг откуда ни возьмись возник новенький «Паккард». Из него вышел целый подполковник РККА¹⁰ в сопровождении двух офицеров рангом пониже. Подполковник предъявил удостоверение замначальника контрразведки фронта и тут же непререкаемым тоном приказал передать ему языка-оберста.

Всё бы ничего, но подполковник, как и его офицеры, был в новенькой полевой форме, чистенькой и с иголочки. Офицеры выглядели в ней какими-то уж слишком ухоженными, словно породистые жеребцы. Это первое. А во-вторых, на плечах «обычных» штабных офицеров почти всегда сияли новенькие жёлтые повседневные погоны. У этих же они были тускло-золотистыми, парадными. Такие погоны, по новому уставу РККА, совершенно не полагались для ношения при полевой форме.

– Впрочем, сейчас весна, – пытался логично объяснить себе Сташевич наблюдаемые странности, – а новые знаки различия ввели не так давно, зимой этого – сорок третьего года. Возможна путаница с непривычки, хотя на штабных офицеров это непохоже.

Наконец, глазастый Сташевич обратил внимание на холёные ногти подполковника.

– Возможно, где-то в недрах штаба нашего фронта обретается со своими щипчиками и пилочками опытная маникюрщица! – мелькнула в голове Андрея неуместно забавная мысль.

⁷ **Ежов Николай Иванович** (1895—1940) – нарком внутренних дел СССР в 1936—38 гг. Один из главных организаторов массовых репрессий в СССР 37—38 гг. Расстрелян в 1940 году.

⁸ **Czyja siła, tego prawda** (польск.) – Кто сильнее, тот правее.

⁹ **Оберст** (нем.) – полковник.

¹⁰ **РККА** — Рабоче-крестьянская Красная армия. С 1946 года Советская армия.

Андрей Сташевич не торопился выходить из кабины «Виллиса». Он вежливо попросил офицеров, сопровождавших подполковника, предъявить офицерские книжки. Старший лейтенант и капитан напряглись, но после кивка своего начальника документы предъявили.

За просьбой Сташевича скрывался один известный смершевский фокус – железные скрепки в советских документах особым качеством не отличались. Они быстро ржавели и пачкали бумагу в местах крепления. Оба предъявленных документа значились выданными более года назад. Тем не менее скрепки у них всё ещё были блестящими, как новенькие. Оно и понятно: настоящее немецкое качество!

Тем временем Рюмин, сидевший на заднем сиденье справа от пленного оберста, оставил свой ППШ в кабине и вышел из машины. Видимо, просто решил размять ноги. Сделал он это вопреки всем инструкциям, а красноречивый взгляд Андрея проигнорировал.

– *Waffen zur Inspektion*¹¹! – неожиданно рявкнул Сташевич.

Лающая команда на немецком прозвучала достаточно громко, но подполковник с капитаном даже не шелохнулись. Зато молоденький старлей рефлексивно поднёс правую руку к блестящей новенькой кобуре. Сташевич встретился с мнимым подполковником взглядом – они, как говорится, друг друга поняли!

Не раздумывая, Андрей повалил на пол «Виллиса» пленного оберста. Это было первое движение, и уже через мгновение в падении прямо через дверь кабины он выпустил по диверсантам длинную очередь из ППШ. Сквозь решето пулевых отверстий в двери машины Сташевич краем глаза успел заметить вихляющий зад Рюмина. Пригнувшись и втянув голову в плечи, напарник петлял зайцем, улепётывая куда подальше от неприятностей...

Андрей едва успел утихомирить брыкающегося под ним языка, когда большой куст на обочине дороги загрохотал ответной автоматной очередью. Шофёра изрешетило мгновенно, но везучий Сташевич остался цел и не потерял хладнокровия. Извернувшись, он метнул через открытое окно лимонку в сторону агрессивного куста.

Взрыв. Тишина. И только всхлипы немца, смирно лежащего под Сташевичем, нарушали эту идиллию. Подобно незадачливому Ахиллесу, бедняга оказался ранен... в пятку. Троих дохлых диверсантов на дороге и ещё парочку в кустах Сташевич по полному праву записал на свой счёт.

Вскоре отыскался и лейтенант Рюмин.словно милое нашкодившее дитя, со смущенной улыбкой он вылез из противоположного от боя кювета. Свой приговор в глазах напарника Рюмин прочёл без труда. Смачно хрюкнув, лейтенант в ужасе бросился наутёк. Пистолет без раздумий прыгнул в руку и, почти не целясь, капитан Сташевич трижды выстрелил в маячащую впереди широкую спину.

– *To jest dla mojego ojca*¹²! – негромко пробормотал он.

Сунув в кобуру ещё горячий ТТ, Андрей вернулся к ценному фрицу. Раненого оберста следовало перевязать и усадить на сиденье. Потом в рапорте капитан написал, что во время внезапного нападения засевших в засаде немцев Рюмин решил сдаться. С поднятыми руками и криком «Хайль Гитлер!» он побежал к ним навстречу...

Нелепо, конечно, да и коллеги-особисты не дураки. Многие всё поняли, догадались о том, как было. Однако Сташевича уважали, а Рюмина не любили. Так и записали лейтенанта в позорные предатели. С голубой душой, как говорится...

Как там водилось у польской шляхты? «Жизнь за жизнь! Кровь за кровь! Честь за честь!»

¹¹ *Waffen zur Inspektion!* (нем.) – Оружие к осмотру!

¹² *To jest dla mojego ojca!* (польск.) – Это за моего отца!

Глава вторая. Майор Бабр

Отделение ГУПВИ¹³ Тайшетского района Иркутской области нашлось без труда. Оно располагалось в самом центре рабочего посёлка Бирюса, в сером двухэтажном дощатом домике. Здесь Сташевича приняли в прямом смысле слова «с распростёртыми объятьями».

Не успел капитан по всей форме доложить о прибытии тощему подполковнику, сидящему за деревянным, покрытым красным лаком столом, как со стуком распахнулась дверь позади. Андрей автоматически полуобернулся и оторопел. Растопырив руки-брёвна, на него пёр кряжистый военный со страшноватой, заросшей бурой щетиной физиономией. Местный красавец ещё с зимы не переобулся в сапоги, оставаясь в мохнатых собачьих унтах. Дополняли его безумный гардероб зелёные офицерские галифе и тёмно-синий китель нараспашку. Бывший разведчик-смершевец привык уделять деталям особое внимание.

– А пуговицы-то у нас неуставные! Маршальско-генеральские, с государственным гербом цапки. Такие блестяшки для высшего комсостава на монетном дворе вручную льют из ювелирной рандоли¹⁴. Форсите, товарищ майор! – усмехнулся про себя капитан Сташевич.

Вместо белой сорочки под расстёгнутым кителем военного темнела поддевка с начёсом, шерстяная и совершенно неуставная. Тяжелая статья и дремучий лик новообретённого начальника неожиданно настроили Сташевича на весёлые мысли.

«Что за дикий сине-зелёный мундир с майорскими погонами?! И какие сумасшедшие цыгане вырядили этого Михаила Потапыча в столь непотребный вид?» – усмехнулся про себя Андрей.

– Рад! Сердечно рад вам, товарищ капитан! – взревел «Потапыч» и заключил Сташевича в могучие объятия.

Радость майора была искренней и неподдельной. У обнятого товарища капитана, кандидата в мастера спорта по самбо и вольной борьбе, между прочим, натурально захрустели кости.

Тем временем «Потапыч» разомкнул объятия и чуть отстранил от себя Андрея.

«Сейчас этот здоровяк по-отцовски попросит: «А повертись-ка, сынку! «» – почти уверенно предположил Сташевич.

Цитирования из «Тараса Бульбы», однако, не последовало. «Дремучий» майор оскалил в приветливой ухмылке крепкие зубы с острыми клыками, тёмными от чифиря, и пристально уставился на вновь прибывшего офицера.

– Ждём вас, товарищ капитан! Давно ждём! Работы невпроворот. Будете у меня служить начальником оперчасти. По лагерным понятиям – «кумом». Дорогу железную строим, а контингент у нас немчура пленная. Общаться-то надо как-то с рабочей силой. К тому же будет с кем интеллигентным словом перемолвиться. А то ведь кругом одно зверьё таёжное, да ещё двуногое...

Странные, пугающе нечеловеческие глаза оказались у этого небритого офицера. Небольшие, гипнотизирующе-круглые и пронзительные. Радужка цвета бледного янтаря в золотистую крапинку. Зрачок, как и положено, чёрный, хотя и некруглый, а кошачий, чуть заметно вытянутый по вертикали.

«Господи, глаза амурского тигра», – мелькнула в озадаченном мозгу Андрея странная мысль.

Он почему-то был совершенно уверен, что у амурского тигра именно такие глаза.

¹³ **ГУПВИ** – Главное управление по делам военнопленных и интернированных.

¹⁴ **Рандоль** (бериллиевая бронза, или «цыганское золото») – сплав меди и бериллия, внешне почти неотличимый от золота.

«Да откуда здесь тигру взяться? Этим кошкам в Приморье место. Может быть, в Уссурийском крае еще. А это, как говорится, два лаптя по карте», – поправил капитана Сташевича всё ещё сидящий в нём студент универа. Этот занудный молодой человек обладал обширной эрудицией, порой не ко времени выскакивающей на волю.

И тут же Андрей вновь усмехнулся себе:

«Ай да майор! Ай да медведь с глазами тигра! И где? В управлении ГУЛАГа, посреди глухого таёжного посёлка... «Остров доктора Моро»,¹⁵ да и только...

* * *

Начальника Бирюсинского лагеря для военнопленных звали вполне по-человечески – Иван Петрович. А вот фамилия у желтоглазого майора выдалась под стать внешности. Странная такая фамилия – Бабр...

– Я тебе, Казимирыч, пока мы в дороге, всю диспозицию нашего Бирюслуга в русле текущего момента растолкую. Ать! Дрыть его!

Майорское междометие «дрыть его», как догадался Сташевич, относилось не столько к текущему моменту, сколько к очередному ухабу на лесной дороге. Как раз на нем изрядно подбросило транспорт майора, выдавший виды тёмно-зелёный грузовичок. Благо крышей колымаге служил натянутый брезентовый верх, а то не миновать Андрею сотрясения мозга с изрядной гематомой на темени в придачу.

– Ты, Казимирыч, главное дело, не тушуйся, мы здесь без предрассудков. Будь ты хоть Казимирыч, хоть Израилич, а пушай даже и Адольфыч! Тем более что по матушке ты парень наших, русских кровей. Андрюха Сиротин! Я, естественно, прежде чем тебя сватать, с личным делом своего будущего зама ознакомился, – продолжал вещать Бабр, полуобернувшись с водительского сиденья диковинного авто, никогда не виданного Андреем раньше.

Надо сказать, что капитан обратил внимание на это зелёное диво ещё возле управления. Чудная «физиономия» этой машины бросалась в глаза. Раскосая и какая-то «рыбно-морская», она была украшена длинным, вытянутым по вертикали сетчатым радиатором. А необычные, близко посаженные глазки-фары отчего-то навевали Андрею Сташевичу романтические грёзы детства – полузабытые изумрудно-голубые мечты о бескрайних океанских просторах, где царственно бороздили просторы великолепные чёрно-синие звери, огромные чудо-юдо киты.

В центре радиатора красовалась большая пятиконечная звезда. Она блестела следами давно облезшего золотистого лака. Перекрикивая тревожно подвывающий и чем-то лязгающий движок, Сташевич громко поинтересовался:

– Что это у вас, товарищ майор, за грузовичок? Я таких красавцев ни разу за всю войну не встречал.

Спросил он про машину с двойной целью. Во-первых, действительно удовлетворить любопытство. А во-вторых, сменить тему. Хотелось замаять «зело мутные» майорские речи о полукровках и Израиличах, а также не к ночи упомянутых Адольфовичах.

– А, эта? – рассеянно переспросил Бабр и нежно погладил огромное, словно корабельный штурвал, рулевое колесо цвета слоновой кости. – Японочка! «Курогане»¹⁶. Мой личный трофей сорокового года. Аж от самого Халхин-Гола её гнал. И ничего, выдержала. У меня, пока не развалилась, ещё и командирская легковушка была. Махонькая, лёгкая, но проходимая.

– Да ну? – поразился Сташевич.

¹⁵ «Остров доктора Моро» – роман Герберта Уэллса.

¹⁶ «Курогане» (Kurogane) – «Сталь» – многоцелевые полноприводные японские машины, грузовики и легковые. Лёгкие и компактные командирские «Курогане-95» – первые джипы довоенной Японии, опередившие лучшие американские машины «Виллис» (Willys MB) на несколько лет.

– Ага. В твоих Европах, капитан, такую японистую красоту не встретить. У вас там всё больше «Опеля» да «Виллисы». Немцы трофейные и американцы ленд-лизовские. Да ты не тревожься, Казимирыч, – хитро прищутив тигриные глаза, добавил он вдруг. – У нас тут народ посвободнее, чем в ваших столицах будет, за каждым словом не следит, не напрягается. Дальше матушки Сибири-то не сошлют. Главное, чтобы ты мужик правильный оказался. И с пониманием! Ать! Дрыть его!

За бортом диковинной японской машины быстро темнело, по обе стороны лесной дороги маячила неприступной стеной тайга. Андрей покосился на широкую спину майора.

«М-да, мрачноватая атмосфера. Даже какая-то зловещая! – вздохнув, подумал Сташевич. – Что-то подобное я испытал мальчишкой, когда в конце ещё относительно фривольных двадцатых по ночам зачитывался привезёнными отцом из-за границы тонкими, в мягких обложках книжками польского издательства «Гебетнер и Вольф». Это были переведённые с английского, входившие тогда в моду американские детективы в стиле нуар. А что? Чем не начало чёрного романа?

...«Вокруг царила непроглядная ночь. Стоял тёмной стеной дикий непроходимый лес. А за рулём везущей меня в неизвестность ветхой машины сидел похожий на лесного оборотня человек»...

Ну чем не нуар? Ага! Майор Бабр! Медведь в армейском кителе и штанах. Ну, точно же! Прямо в рифму!

– *«Нуар в таёжных тонах!»*

* * *

Японский грузовичок преодолел, наконец, все триста тридцать три ухаба извилистой лесной дороги. Уже через два часа они въехали через ворота поста, «за колючку», где в обширное лагерное пространство было очищено от тайги. Не откладывая в долгий ящик, Бабр решил сразу познакомить вновь прибывшего офицера с местом его будущей службы.

Но сначала плотно и вкусно пообедали в лагерной столовой для obsługi, в её красном офицерском углу. И только потом приступили к инспекции бесконечных, вылизанных до идеальной чистоты барачков. Военнопленные немцы при появлении начальства дружно вскакивали и вышколенно вытягивались во фронт.

Куда менее ухоженными оказались «вертухайские» караулки и казармы охраны, а также подсобные помещения. Впрочем, богатая книгами лагерная библиотека, как и чистенькое помещение фельдшерской, произвели на Сташевича приятное впечатление. Не последнюю роль в этом сыграло новое знакомство – хозяйкой того и другого оказалась весьма миловидная женщина, светловолосая, стройная и юная.

Капитан отчего-то смутился и уже собрался было протянуть новой знакомой руку. Однако Бабр, заметив этот порыв, взглядом остановил его. Не без притязаний на изящество начальник лагеря чуть наклонил лохматую голову, чтобы церемонным жестом обеих своих лапиц указать на нового офицера:

– Прошу любить и жаловать, Дашенька! Мой благоприобретённый заместитель и по совместительству начальник оперчасти нашего Бирюслага, – обаятельно улыбаясь сквозь серо-рыжую щетину, пробасил майор. – Андрей Казимирович Сташевич!

Великосветское представление заставило Андрея мысленно усмехнуться:

«Матка Боска Ченстоховска... Снова зоопарк! Кажется, этот таёжный тигро-медведь вообразил себя лагерным светским львом».

Светловолосая юная фельдшерица радость начальства не разделила. Опустив глаза долу, она замерла. Тем временем хозяин лагеря продолжил церемонию, полуобернувшись уже к Сташевичу:

– Товарищ капитан, разрешите представить: наш фельдшер и по совместительству заведующая библиотекой Дарья Михайловна Громова.

* * *

Не теряя напора, с той же неостывающей душевной щедростью майор Бабр решил квартирный вопрос нового начальника оперчасти. Не прошло и десяти минут неспешной ходьбы по дороге, как посреди вечнозелёной тайги, дурманящей мощным хвойным духом, показались дома. Немного, всего десятка полтора, но зато каких домов! Из лучшего строевого леса, ладных и тёплых. С островерхими, треугольными от снежных наносов крышами и резными наличниками на окнах.

Когда-то за пределами лагеря располагался небольшой старообрядческий скит. Строители дело знали, жилища вышли светлыми, с просторными горницами. Не забыли здесь и о сараях с конюшнями. А кроме того, дома могли похвастаться глубокими вместительными подвалами и ледниками для съестных запасов впрок.

По всему получалось, что строили сии жилища мастера старинной плотницкой школы основательно, на века. Только вот богобоязненных обитателей этих добротных домов долгорукая советская власть прибрала к ногтю ещё лет двадцать назад. Понапрасну староверы надеялись, будто никому они не занадобятся в такой таёжной дикой глуши. Когда при наркоме Ежове завели здесь новый лагерь для классовых злыдней, то есть врагов народа, сюда же определили социально близких к себе пролетариев-уголовничков. К какому классу отнесли староверов, история умалчивает. А сам бывший скит облюбовало вертухайское начальство – для офицеров охраны и кое-кого еще, приближённого из вольнонаёмной obsługi.

* * *

Из тринадцати домов оказалось заселено только восемь. Сообщив эту информацию, майор лёгким движением распахнул деревянную дверь массивного и старинного вида:

– Заходи! Заходи, Андрей Казимирыч! И чемоданчик свой занося!

Капитан медлить не стал, только снег с подошвы обстучал.

– Жильём мы богаты, а этот дом самый ухоженный. Прежние квартиранты съехали, но чистоту и порядок после себя оставили, – при последних словах Бабр почему-то замялся, покачал головой и отвернулся.

– Ух ты! Да тут прямо хоромы! – не сдержал восхищённого возгласа Сташевич.

Ещё в Москве, едва получив назначение, капитан был уверен в трудностях с жильём в этом медвежьем углу. Он не удивился, если бы его поселили при казарме, в каком-нибудь закутке для холостых офицеров. Верхом ожиданий была каморка в перенаселённом бараке, с тараканами и запахами общей кухни.

Здесь же просторный зал казался жилым. Как и в двух смежных комнатах, обстановка состояла из кое-какой мебели и даже предметов роскоши – в горнице имелся старинной работы резной стол со стульями, а на полках приткнулись несколько книжек. Рядом с ними замерли шесть неизменных «мещанских» фарфоровых слоников. Обязательный седьмой, видимо, куда-то подевался или разбился. Стены тоже голыми не остались, их украшали чьи-то фотографии.

Главным было не это. К вящему удовольствию нового жильца, в дальней комнате оказалась роскошно-просторная железная кровать. С четырьмя большими тускло-серебристыми набалдашниками на спинках, панцирной сеткой и матрасом, она притаилась в углу.

– Ну? Как тебе домик? А, Казимирыч? – довольный произведённым впечатлением щедрый хозяин лагеря ухмыльнулся.

– Всё замечательно, товарищ майор. Только у меня такое чувство, будто здесь кто-то живёт, – смущённо пожал плечами Сташевич.

– Жили-пожили, да съехали. Уж третий месяц пошёл, – не стал вдаваться в подробности Бабр. Он отвернулся и, явно меняя тему, добавил: – Ты вот что, Андрей Казимирыч. Давай без чинопочитания. Надоело! Иван Петровичем меня кличут. Понял?

Андрей кивнул, а начальник мотнул головой в сторону лагеря:

– Это там, «за колючкой», я тебе товарищ майор. А здесь мы не на службе... Кстати! У тебя и соседи замечательные. Даша Громова в соседнем доме проживает. Сын у неё есть, пятый год мальцу. Синеглазый такой... Ангелочек светленький. Весь в мамку. Одинокие они.

– Отчего так?

– Папку, видать, война прибрала. Я не интересовался. Дарья не рассказывает, а я лишний раз к человеку в душу не полезу, – Бабр усмехнулся. А затем, одарив Андрея своим пронзительным тигриным взглядом исподлобья, добавил: – Это теперь твое поприще, капитан!

Оставшись один, Андрей снял со стены пожелтевшую от времени фотографию в блеклой деревянной рамке. В окружении нескольких старомодно одетых женщин на ней сидел на венском стуле солидный, одетый в камзол сухощавый мужчина с длинными вислыми усами.

«Фотографические картины студии «Пан Гурвич и сыновья», – гласило по-русски и по-польски полустёртое факсимиле в правом нижнем углу карточки. «Miasto Cherven. Rodzina Poplawski. 1889.»¹⁷, – сообщали блёклые, едва читаемые чернила на обороте.

– А ведь это поляки! – удивлённо хмыкнул про себя Андрей, вертя в руках старую фотографию. – Однако. Где только не встретишь своих, даже в такой таёжной глуши...

Глава третья. Бирюслаг (Лагерный кум)

Новоселье Сташевич отпраздновал скромно – ломоть чёрнушки запил стаканом молока. Поужинал да лёг спать. Среди ночи Андрей вдруг проснулся. Его разбудило ощущение смутной тёмной тревоги. Капитан поднял с прикроватной тумбочки часы, трофейную швейцарскую «Омегу». Светящиеся в темноте стрелки показывали час ночи.

– Матка Боска! Чёрт его ведает, что такое, – сонно вздохнув, Сташевич положил «Омегу» обратно.

Перевернулся на другой бок, чтобы снова уснуть. Это почти удалось, однако на этот раз ощущение тревоги не оставляло его и во сне. Сквозь толщу дрёмы до ушей Андрея начали доходить странные звуки из соседней горницы, где вскоре раздался довольно громкий звук. Такой противный скрип издают дверные петли, старые и давно несмазанные. За скрипом последовал глухой, но явственный стук – словно кто-то случайно уронил на пол тяжёлый деревянный стул, стоявший в строю своих братьев у дубового стола с искусной резьбой.

Словно издалека раздался тихий детский смех. Затем послышались шлепки маленьких необутых детских ножек по деревянному полу. Тут же за ними последовала более увесистая, «взрослая» босая поступь.

Шаги закончились тяжким вздохом совсем рядом с кроватью. Железная панцирная сетка прогнулась с лёгким скрежетом, кто-то присел на край койки.

¹⁷ «Miasto Cherven. Rodzina Poplawski. 1889.» (польск.) – «Город Червены. Семейство Поплавских. 1889.»

Андрей почти проснулся. Ему дико захотелось пробудиться окончательно, прогнать мерзкое, забытое ещё с раннего детства ощущение давящего и липкого кошмара, не дающего дышать во сне.

Сжалось сердце в груди. Неожиданный сбой дал мощный тренированный «мотор» молодого мужчины-бойца, не раз бывавшего в передрягах. Сташевичу пришлось совершить невероятное усилие над собой. Подскочив, он присел на кровати и выдохнул под аккомпанемент резко заскрежетавших пружин. Всё тело покрывал мерзкий липкий пот.

– Чёртово дело! Что за ведьмовщина? – громко выругался он в сереющий предрассветный сумрак спальни. А сам подумал: ещё немного – и намочил бы постель, словно испуганный карапуз. Странно, ведь с младенчества кошмары не мучили...

Сташевич поднялся с койки, зажёл керосиновую лампу. Сна не было ни в одном глазу, поэтому он умылся под рукомойником. Вытирая лицо и шею, походил по горнице. Растопил щепками плиту при главной печи и поставил на неё греться большой медный чайник. Важная посуда относительно недавно была тщательно вычищена и солидно посверкивала теперь матово-красными бликами.

– А кстати! – хмыкнул Андрей и зачем-то подмигнул тусклому отражению. Собственная физиономия на боку закипающего чайника выглядела кривой и рыжей. – Хотя Бабр почему-то не пожелал говорить на это тему, но здесь, в этом доме, кто-то совсем недавно жил. Совершенно точно жил, вон как ухожены вещи. Чувствуется заботливая рука, скорее всего, женская. Надо бы разузнать о прежнем хозяине. Или хозяйке?

* * *

В странном доме за пределами лагеря он больше не ночевал. Благо в служебном кабинете имелся диван, и Сташевич рьяно взялся за дело на новой должности. Дело хоть и новое, но понятное – с утра до вечера он работал с личными делами военнопленных. Когда из-за рези в глазах не мог больше читать, капитан знакомился с заключёнными лично, с глазу на глаз, так сказать. Вызывал по одному, беседовал на разные темы. В особо интересных случаях задерживал визави надолго, не скупясь на время. Вербовка осведомителей – это занятие серьёзное...

Рано утром заключённых увозили по железке на работу – прокладку новых путей. Возвращали их ближе к ночи валяющимися с ног от усталости после двенадцати, а то и четырнадцати часов тяжкой работы. Первое время Андрей добросовестно беседовал со старшинами военнопленных немцев, назначенными лагерным начальством. Вызывая их каждый вечер, вскоре он понял, что особого толка от этих встреч не последует. Для серьёзного контроля над лагерным контингентом необходима настоящая оперативная «пахота». Кружевная тонкая работа сродни глубокой разведке. Мудрёные схемы по выявлению истинных, не назначенных «сверху» вожаков. Тайные, по-тихому прикормленные «стукачи» из среды военнопленных и вольной obsługi. Следовало сменить тактику и найти подходы...

Сташевич всегда был добросовестным офицером. Тем не менее он никогда не забывал и о своём мужском интересе. Симпатичная, светленькая и одинокая фельдшерица Даша Громова понравилась ему с первого момента их знакомства. Что же касается Андрея, то сам капитан, высокий и стройный блондин, имел правильные и, как говаривали в старое время, аристократичные черты лица. Он с ранней юности пользовался успехом у женщин.

Другое дело, что Сташевич по природе своей Казановой не был. Даже напротив, он стеснялся своей приятной внешности. Не слишком умные девицы, окружавшие его в юности профессорские дочки, ошибочно принимали эти рефлексии интеллигентного молодого человека за высокомерие. Потом пришла война. На место свиданий с «девушками из хороших семей» пришли романы с женщинами войны – связистками и госпитальными медсёстрами. Всё это

было не по-настоящему, по-военному быстро, по-фронтальному скоротечно. Слишком легко и доступно, что ли.

О любом сотруднике Бирюслуга, в силу своего служебного положения, Сташевич мог узнать очень многое из его личного досье. Однако когда дело коснулось Громовой, сама мысль об этом вызвала у него резкое неприятие.

– Это обычная элементарная порядочность, – пояснил себе капитан. И тут же поморщился от кричащей наивности, да что там – пошлой фальши, возникшей при данных обстоятельствах мысли. – Да уж! Элементарная порядочность просто крайне необходимо лагерному «куму»!

Визит вежливости Андрей оттягивал и решился нанести его только через неделю после своего новоселья. Поводом послужили усиленный офицерский паек и память о маленьком сыне милой соседки. Приподняв полагающийся ему на три месяца пайковый ящик свиной тушёнки, прямо в лавке он произвёл «натуральный обмен». Весёлый вольнонаёмный начпрод-кладовщик был только рад, выдавая взамен банок два кило карамели, дюжину банок сгущёнки, а также четыре плитки шоколада «Гвардейский».

Оборотистый кладовщик обладал забавными пышными кавалерийскими усами, а-ля Будённый, и не менее забавной фамилией Гришаня.

– На здоровьечко! – фамильярно подмигнув, напутствовал Гришаня нового начальника оперчасти. – Обращайтесь, дорогой товарищ капитан! Дело-то молодое. Разве ж мы без понятия?!

Напоследок начпрод пошевелил своими роскошными, закрученными на кончиках чёрными с проседью усами и обаятельно, с ямочками на щеках, улыбнулся.

Соседка Дарья открыла дверь, словно ждала гостя. Без удивления взглянув, спокойно пригласила войти:

– Проходите, Андрей. Ничего, что я без отчества? Мы ведь с вами почти ровесники.

Сташевич покраснел как мальчишка и, злясь на себя, смущённо пробормотал:

– Да, конечно...

Целый куль сластей, заменивший усиленный офицерский паек, оказал свое действие – четырёхлетний Вадик, белокурый и синеглазый херувим, не слезал с коленей Андрея. Весь вечер, пока они вместе пили чай за столом, он пробовал редкие деликатесы.

А Сташевич удивлялся столь ангельской внешности ребенка. Никогда ещё он таких детей не встречал, ну разве что на трофейных рождественских открытках с готическим шрифтом. Малыш лепетал милую чепуху, а гость показывал ему фокусы, комментируя это простенькое волшебство писклявым голосом московского клоуна Карандаша.

Вадик и сам не заметил, как уснул на руках своего нового друга. Преодолев слабые протесты мамы Даши, Андрей отнёс малыша в соседнюю комнату. Бережно уложив ребёнка в кровать, капитан с трудом удержался от накотившего приступа родительской нежности – ему страшно захотелось поцеловать кончик маленького сопящего носика.

– Анджей! – тихо окликнула его стоящая в дверном проёме Даша. – Так, кажется, попольски Андрей?

– Да, – подойдя вплотную, шёпотом подтвердил Сташевич. – Анджей, то верно...

Он помолчал немного, а потом осторожно прикоснулся своими сухими губами к влажным губам женщины.

Глава четвёртая. Младший лейтенант Рогозин

Миновала жестокая таёжная зима. Окончились смертельные морозы, когда столбик термометра падал ниже сорока. Унялась выюга, выматывающая душу и воющая неприкаянным ночным волком. Потеплел дневной ветер, который раньше обжигал ледяным огнём.

Всё, что возможно узнать о прежних жильцах своего дома, капитан Сташевич разузнал. Собственно, иначе и быть не могло. Какой же он начальник оперчасти в противном случае?

В добротном староверском жилище до капитана обитала маленькая семья, состоящая из молодой женщины двадцати шести лет от роду, и её пятилетней дочери Маши. Звали ту женщину Елена Поплавская. Она служила фельдшером при лагере и числилась юной вдовой фронтовика.

Между прочим, по девичьей фамилии Елена была Смирновой – Поплавской она стала по мужу. Разбираясь в этой истории, Сташевич вспомнил о старинной фотографии, увиденной им в бывшем доме пропавшей фельдшерицы. Той самой, где вислоусый пожилой поляк Поплавский из польского городка Червены был изображён со всем своим небольшим семейством.

Получалось, что карточка та Поплавского, мужа Елены. Это нехитрое умозаключение повело Андрея дальше. Судя по всему, молодая вдова своего погибшего мужа любила и уважала. В противном случае не стала бы она сберегать и вешать на заметное место его семейную реликвию. Со временем, видимо, Смирнова-Поплавская собиралась передать карточку своей дочери. Тем самым Елена сохранила бы для подросшей Марии родовую память о погибшем отце.

Однако мама Лена забыла учесть одно важное обстоятельство: девочку пришлось бы посвятить не только в хроники рода, но ещё и в небезопасную историю о явно непролетарских польских корнях. Странное, не совсем типичное поведение для заботливой матери. Юной советской женщине, верной сталинистке и комсомолке, следовало бы вести себя более осмотрительно.

На фотокарточке в личном деле сама Елена выглядела почти ребёнком, симпатичной светленькой девочкой. Она показалась Андрею чем-то очень похожей на Дашу, нынешнюю фельдшерицу. Правда, у Даши Громовой выражение глаз было не таким наивным. Более взрослым, что ли. Дарью и прислали на замену Поплавской. Причём сделало это начальство управления лагерей Тайшетского района относительно оперативно, буквально через неделю после несчастного случая, произошедшего с фельдшером Бирюслага и её дочерью.

Личное дело пропавшей без вести фельдшерицы деталями не изобиловало, информация была скупа: Елену Смирнову-Поплавскую война застала в гостях у польской родни мужа, в городке Червены, что на юго-западе Украины. Эти области только в сороковом году отошли Советскому Союзу. Ранее они находились в составе Польши. Поплавская каким-то чудом успела эвакуироваться в самый последний момент вместе с отступающими красноармейцами. А вот о самом несчастном случае в документе ничего не упоминалось. В архиве лагеря должны были храниться бумаги об оперативном дознании – в связи с этим странным исчезновением. Таковые, однако, отсутствовали. Обращаться к начальнику лагеря за подробностями Андрею не слишком хотелось. Он хорошо помнил, как Бабр откровенно замял эту тему, уйдя от разговора о прежних жильцах дома.

Заместитель Сташевича, младший лейтенант Алексей Иванович Рогозин, на вопросы о произошедшем с Поплавскими тоже отвечать не рвался. Этот стареющий офицер производил впечатление туповатого, не слишком инициативного служаки, к тому же пьющего. Хотя дело в какой-то мере он всё же прояснил.

– Так это, – наморщил и без того мятую физиономию Рогозин. – Хозяин их забрал... Ну, Поплавскую с дочкой. В смысле, медведь их осенью в тайгу утащил. Лето плохое вышло, неурожайное – ни грибов тебе, ни ягод. А мишке чем-то жир добирать на зиму надо. Ну, он их и того... схарчил, видать! Говорили люди Поплавской этой: не суйся в тайгу в одиночку. Так нет, она сунулась, да ещё и с ребёнком. Видать, по ягоды пошла. Вот и сходила.

Нелогичность рассказа удивила. Андрей поднял взгляд на своего заместителя:

– Постойте. Какие, к чертям, грибы-ягоды, если лето неурожайное?

– А я почём знаю? Говорю же, незнайки городские! Чего с них взять? – пожал узкими плечами младший лейтенант.

Его потёртые погоны на засаленном, выдавшем виды кителе встопорщились, встали домиком, словно крылья сердитого воробья.

– Дознание хоть провели? – не унимался Сташевич.

– Ну провели. Как без этого, – вздохнул Рогозин.

– И где материалы? Папка с дознанием где? – капитан начал раздражаться на этого увальня.

– Так у начальника лагеря! У Ивана Петровича Бабра. Товарищ майор лично дознавался, у него и папка, – сорвался, перейдя на визг, младший лейтенант с лицом пьющего старика.

– Что с вами, Алексей Иванович? – истерику подчиненного следовало прекратить, и Сташевич это сделал ледяным, нарочито спокойным тоном. – Вы так странно реагируете, будто вину за собой чувствуете.

– Простите, товарищ капитан. Нервы, – буркнул Рогозин.

Пряча глаза, он трясущимися пальцами стал перекладывать на столе тонкие папки с личными делами военнопленных.

«Ага, нервы. Разумеется», – не без сочувствия к этому незадачливому пьянице вздохнул про себя Сташевич. От Рогозина с утра разило, как от винной бочки.

Младшему лейтенанту сострадал Андрей неспроста. Из личного дела и, главное, из рассказов майора Бабра вытекало, что Алексей Иванович Рогозин – свой брат, фронтовик. Как и Сташевич, прошёл мужик всю войну разведчиком. С самого начала, от рядового солдата до офицерского звания дослужился. Четырежды был ранен, тяжело контужен. Домой вернулся к семье. А там! Как в жалостливой народной песне, которую безногие инвалиды войны по вокзалам стонут:

*Я был батальонный разведчик,
А он писаришка штабной!*

Сорвался тогда Алексей Иванович Рогозин, кавалер двух орденов Славы. В приступе гнева жену-изменницу помял и любовника едва не убил. Дело как-то замяли. Но Рогозин всё не унимался – пил, дебоширил. Друзья его с трудом урезонили, отправили на должность малую сюда, в Бирюслэг. Подальше от начальственных глаз, как говорится. На новом месте младший лейтенант вроде в руки себя взял. Долго держался, но вскоре запил опять. Причём в точности после того, как Елена Поплавская и её дочь в тайге сгнули...

Глава пятая. Бабр сердится

Слухами земля полнится. А уж небольшое, в буквальном смысле закрытое сообщество, такое, как лагерная обслуга, тем более. Здесь слухи летают быстрее звука. И на следующий день после неприятной беседы с Рогозиным Андрей оказался в кабинете начальника лагеря. Обычно дружелюбный и приветливый, он на этот раз даже не предложил присесть.

Лишь сухо поздоровавшись, Бабр осведомился, не глядя на своего заместителя:

– Какие успехи, Андрей Казимирович, в работе с нашими подопечными фрицами имеешь? Скоро месяц, как ты у меня начальником оперчасти подвизаешься! Так чем же похвастаться можешь?

Сташевича такими загибами начальство удивить не смогло – для того и кот, чтоб мыши место знали. Знаем, плавали. Всегда готовый к отчёту, он не растерялся. Начал собранно, подробно излагать свои действия по организации агентурной сети как среди военнопленных,

так и внутри обслуги. Попросту говоря, по дням изложил план мероприятий по вербовке стукачей.

Конечно, подробности, особенно с именами, он сдавать не собирался. Такова уж специфика работы лагерного «кума». Кстати, согласно закрытым должностным инструкциям, на такую секретность он имел полное право. Бабр, с другой стороны, мог затребовать у своего подчинённого любую информацию. Однако лишь после письменного приказа, в коем начальник должен был чётко объяснить, с какой такой конкретной целью интересуется его данная закрытая тема. Нормальному начальнику лагеря вся эта лишняя мигрень нужна не была. От слова совсем. Поэтому в дела своих «кумовьёв» умные «хозяева» лагерей попросту не лезли.

– Эти твои расклады мне без интереса! – хмурый майор прервал Сташевича буквально на полуслове. – Мне результат нужен, понял? А результат у тебя, товарищ капитан, пока неважный. В третьем отряде драка между военнопленными случилась, да ещё и с поножовщиной. Хорошо, без трупов обошлось. К тебе вопросы, Андрей Каземирыч, твоя епархия. Ты не углядел!

Андрей оторопел. Происшествие, о котором упомянул Бабр, случилось буквально на следующий день после его, Сташевича, вступления в должность. Формально это была уже его ответственность, но фактически он и дел-то толком ещё не успел принять. Кому, как не начальнику лагеря, это понимать.

– Я с этим разбираюсь, товарищ майор, – Сташевич тем не менее нашёл что ответить. – Драка произошла между неким Вальтером Бравеном, вновь прибывшим с партией военнопленных, и нашим лучшим помощником, активистом-антифашистом, главным лагерным старшиной Вольдемаром Шнитке. Причём, по докладу Шнитке, Бравен напал на него первым. У новенького и заточка в сапоге оказалась. Конвойные, принимавшие эту команду военнопленных из Дальлага, уже наказаны в дисциплинарном порядке. Произведён дополнительный тщательный обыск команды вновь прибывших. Бравен помещён в ШИЗО. Пока молчит. Шнитке ранен нетяжело, он в лазарете. Как и раньше, охотно сотрудничает с администрацией, в том числе по этому делу.

– Ну вот и работай, Каземирыч! – подобрел голосом Бабр. – За фрицев начальство теперь серьёзно спрашивает. У нас спецлагерь. Это тебе не наши родные уголовнички, тем более не вражьи политические. Между прочим, Шнитке первый и единственный среди военнопленных нашего Бирюслага кандидат в члены ВКП (б)¹⁸. Я лично рекомендовал его кандидатуру на областном партбюро. Международная политика – вещь серьёзная, понимаешь! Союзника в Восточной Европе нам себе надо готовить, новую социалистическую Германию строить. А то, я слышал, ты в сыщика Ната Пинкертон решил поиграть. Вроде заняться тебе нечем...

Майор поднялся, расправил могучие плечи и с кряхтением потянулся. Тускло блеснули золотом гербовые неуставные пуговицы на синем кителе.

«А пуговицы-то мундирные у товарища майора особые, – машинально подумалось Андрею. Он их ещё при первой встрече приметил. – Такие цапки для генеральских да маршальских мундиров льют. Не штампуют, а именно льют на монетном дворе из бронзы-рандоли. Ручная работа, как и высшие ордена! Форсит наш начальник лагеря. Ох, форсит! Не по чину, однако».

Немного косолапя, Бабр грузно прошагал к огромному, тронутому ржавчиной сейфу в углу кабинета. Полязгав ключом, он выудил из его недр тонкую серую папку и протянул её Сташевичу.

– На вот! Почитай на досуге, если такой любопытный! – прокомментировал майор своё действие. – Это материалы дознания. Того самого, которым ты интересовался.

¹⁸ ВКП (б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков). С 1952 года КПСС.

Андрей взял в руки папку. На обложке ровным почерком было начертано: «О бесследном исчезновении в неизвестном направлении военфельдшера Поплавской и её малолетней дочери».

Глава шестая. Начпрод Гришаня

– А я вот, товарищ капитан, четыре жестянки компота припас. Для вашего милого удовольствия! – толковал начпрод Гришаня, собирая в своей лавке очередной паёк для Сташевича.

Улыбка и симпатичные ямочки не сходили с приятной, чернявой и усатой физиономии кладовщика. Интеллигентный Сташевич про себя долго решал, как ему лучше обращаться к полезно-словоохотливому начпроду. Использовать довольно сложное имя-отчество (Аполлинарий Ефимович) или же просто по фамилии?

Гришаня, как бы это сказать, звучало несколько фривольно. Наконец, капитан выбрал в этом важном вопросе демократичный компромисс. Да к чёрту! Пусть будет просто: Ефимыч. Махнув на это дело рукой, Сташевич обратился, как решил про себя:

– Что за компот, Ефимыч?

– Персиковый, консервированный, американский. Остался ещё с ленд-лизовских поставок, – не переставая широко и белозубо улыбаться, продолжал толковать кладовщик. – Да вы не сомневайтесь, товарищ капитан, по накладной ему годность ещё семь месяцев. Это ж какая радость для ребятёнков! Очень они, масятки наши, такие сладкие штуки обожают. У меня самого на большой земле трое. Скучаю по ним. А куда деваться, зарабатывать-то папке надо. Вот за малышей у меня завсегда сердце болит. Вы, небось, слышали про фельдшерицу нашу прежнюю с дочкой. Беда с ними приключилась. Пошли осенью в тайгу вроде как по грибы и исчезли обе. Не нашли их, с концами пропали девки.

– Вот как... Прямо с концами? И никаких следов? – осторожно поддержал тему Сташевич.

– Ни единого, – Гришаня повелся, горестно покачал чёрной с проседью шевелюрой. – Девоньку Машеньку, масянечку четырёхлетнюю, жалко. Аж до слёз! Я же знал их с мамкой. Как не знать. Рядом же, на виду. Э-эх! Всех жаль! Медведя таёжного Иван Петровича, нашего начальника, тоже жалко. Ухаживал он за фельдшерицей этой молоденькой. Чувства у него к ней были!

– Чувства? – хмыкнул Андрей. – У медведя?

– А чего? Он один, да и она вдова одинокая с ребёнком. Даром что сама почти дитё. Э-эх! Молодые да красивые мужики типа вас, товарищ капитан, ныне повывелись. На войне все сгинули. А наш товарищ майор для Ленки, конечное дело, был староват. Однако, с другой стороны, мужик видный, крепкий, с положением. И чего она нос воротила? Ленка-то Поплавская. Ведь за ним, за Бабром нашим, как за стеной. И ведь тоже! Не везёт же ему по бабьей части. Двух жён схоронил, а тут и эта. Э-эх!

– М-да, – рассеянно, словно задумавшись над чем-то, кивнул Сташевич. – Печально.

– И то сказать, – согласился начпрод. – А в народе ещё говорят: где слёзы, там и смех. Я вот вас, товарищ капитан, повеселить хочу. Заместитель-то ваш, Rogozin. Извиняйте за выражение, хи-хи, облезаян пьющий. И он ведь тоже! Куда конь с копытом, туда и рак с клешней!

– В смысле?

Кладовщик охотно пояснил:

– Ухаживать за Поплавской пытался.

– Да ну? – заинтересовался Сташевич.

А сам про себя подумал: плохо знает Rogozin географию. Где стареющий лейтенант и где юная красotka, пусть и с ребёнком? Нить разговора при этом не потерял:

– Каким образом ухаживал?

– Всё подарки дочке её Машеньке носил. Ленка терпела его визиты, видать, из вежливости. Иван Петрович, медведь-то наш, про эти рогозинские кунштюки, конечное дело, прознал.

– И что?

– А ничего, – пожал плечами Ефимыч. Под серой мерлушковой безрукавкой он не мерз. – Бабр мужик мудрый. Если и взревновал – виду не подал, только посмеялся... А что скажешь, всякий человек счастья ищет!

Уходящего Сташевича с увесистой котомкой на плече весёлый усач и сплетник Гришаня окликнул уже в дверях склада:

– Тут у меня, товарищ капитан, цельный мешочек табака курительного. Амерфорская сандаловая махорка, понимаешь! Тоже ещё, поставка военная английская, ленд-лизовская. Говорят, где-то в Северной Индии её выращивают. Духовитая, злая что собака. Любой что ни на есть вонючий запах перешибает! Наш самосад по сравнению с ней – детская забава. А украинская махра и вовсе в подмётки...

Андрей развел руками, выражая сожаление:

– Не курю.

– Как, и вы тоже? Ну, жаль! – расстроился лукавый кладовщик. – А то бы я вам щедро отсыпал! Вот ведь! Не берёт никто! Говорят, мол, больно вонюча, да и горло дерёт! Одно слово, сандал индусский!

«Да, богато живём! Жируете, товарищ капитан, – перекидывая тяжёлую котомку с пайком с одного плеча на другое, виновато размышлял Сташевич, совесть себя. – Страна разорена войной, миллионы людей голодают, а у меня в пайке чего только нет! Прямо достархан какой-то. Заботится Родина о своих офицерах НКВД, или как там нас сейчас называют. Впрочем, насколько известно, так всегда было. И до войны тоже. Хотя, пан Анджей, вы и в качестве профессорского сыночка особо не бедствовали...»

Глава седьмая. Военнопленный Бравен

Бравен был высоким и тощим. Запавшие глаза, крупный с горбинкой нос, упрямая полоска губ. На тяжеловатом подбородке светлела щетина с ранней проседью. Казалось, вроде пылью присыпана.

К слову сказать, выглядел парень значительно старше своих двадцати шести. На все сорок, не меньше! Этому немало способствовала тёмная сетчатая тень на его лице – след от сильного порохового ожога. Сплошь перештопанная серая телогрейка с лагерным номером, под ней латаный-перелатаный тёмный френч коричневого оттенка и относительно новые стёганные ватные штаны.

С виду обычный советский эка. Разве что френч выдавал в нём военнопленного, но скорее это делала засаленная кепка танкиста, чёрная, высокая, с большим козырьком. Да головной убор – вот фрицевская примета.

Кепку эту немец снял у двери, ещё до входного рапорта:

– Военнопленный Бравен по вашему приказанию прибыл! – чётко, хотя и с заметным акцентом, отрапортовал вошедший в кабинет немец.

Сташевич головы не поднял. Он делал вид, будто изучает бумаги на столе.

Из личного дела Вальтера Бравена вытекало, что попал в плен немец зимой сорок третьего, в Сталинграде. Будучи тяжелораненым, находился в бессознательном состоянии. Прошёл лечение в спецлазарете для военнопленных, выжил. Воевал Бравен в составе девятой отдельной штрафной роты. Согласно показаниям сослуживцев, гауптман фон Бравен был разжалован в рядовые штрафники за рукоприкладство по отношению к старшему по званию.

Некий штурмбанфюрер СС¹⁹ в частном разговоре упомянул павшего в сорок первом отца Вальтера, Генриха фон Бравена, без должного уважения к памяти последнего.

Дворянская приставка фон перед фамилией Вальтера исчезла тогда же. Вышеупомянутые словоохотливые сослуживцы сообщили новому русскому начальству, что, дескать, сам разжалованный фон Бравен потребовал этого. Мол, не пристало простому немецкому солдату щеголять своими аристократическими корнями.

– Честь рядового на войне порой выше иной фельдмаршальской! – не без дворянского пафоса, по словам свидетелей, отреагировал на приговор трибунала бывший гауптман, бывший командир танковой полуроты северной группировки шестой армии Паулюса.

– Присаживайтесь, Вальтер, – без показного радушия, но мягко указал Сташевич на стоящий посреди кабинета стул.

– Данке! Благодарю, гражданин капитан, – кивнул немец и, поджав длинные ноги, уселся на предложенное место.

Для создания атмосферы доверительности в разговоре с военнопленными Сташевич сразу переходил на немецкий.

– Битте, – щелкнув кнопкой, капитан раскрыл свой «гостевой» портсигар, набитый папиросами как раз для таких случаев.

Однако «гость» отказался от ароматного курева, предложенного не за просто так. Выудив откуда-то из-за обшлага фуражки кривую самокрутку и спичку, Вальтер чиркнул ею о половинку серной полоски коробка. После того как он скромно закурил собственную сигарку, едкий вонючий дым мгновенно наполнил кабинет Сташевича. Это не был запах неба и тайги – махорку в желтой самокрутке смешали не только с куриным пометом и жжеными портянками, но и еще черт знает с чем.

Опытные товарищи как-то просветили капитана Сташевича, что махорка и табак – разные виды растений. Но не до такой же степени! Пересилив отвращение к мерзкому запаху, Андрей встал, чтобы обойти стол и непринуждённо присесть на его край. Сделал он это по старому сценарию, давно разработанному им ещё во время военной службы в Смерше. Так он поступил лишь затем, чтобы оказаться ближе к собеседнику – буквально и во всех смыслах.

– Как же так, Вальтер? – с лёгкой печалью и почти отцовской заботой в голосе осведомился капитан. – Вы ведь в Дальлаге, до перевода к нам, в стахановцах числились! Бригадой передовиков производства руководили. Премии получали. До пятидесяти рублей в месяц доходило. И вдруг! На новом месте такое серьёзнейшее нарушение режима.

Слово «стахановец», похищенное из советского новояза для использования в немецкой речи, вызвало на тонких губах Бравена едва заметную мимолётную усмешку. Не слишком способные к славянской фонетике немцы старались избегать подобных инородных словечек. Даже самые отъявленные полиглоты могли произнести их лишь по складам. Что-то вроде: «Стахан-офес».

Бравен молчал, потягивая сигарку и глядя в пол.

– И всё-таки, Вальтер, за что вы старшину Шнитке убить пытались? – не отставал Сташевич. – Что такого он сказал или сделал?

Вальтер поднял на Андрея глаза, и тот едва не вздрогнул от неожиданности. Капитану вдруг показалось, что он уже где-то видел этот безмятежный небесно-голубой взгляд. Причём совсем недавно.

– Осмелюсь доложить, гражданин капитан, – перешёл вдруг на русский язык Бравен. – Если я кого-то хочу убить, то довожу дело до конца. Эту мразь Шнитке я лишь слегка порезал. Больно, но не смертельно. Теперь он изо всех сил постарается держаться от меня подальше.

Немец говорил по-русски весьма неплохо, хотя и с заметным акцентом.

¹⁹ Штурмбанфюрер СС – звание в войсках СС (ваффен СС), соответствующее майору сухопутных войск вермахта.

– Такую развитую русскую речь иностранцу можно приобрести только одним путём: через прочитанные книги. Разумеется, в подлиннике, – заметил про себя Сташевич. Но вслух сказал иное: – А, собственно, Вальтер, вы разве не хотите поскорее вернуться домой?

Бравен машинально кивнул, а капитан продолжил наступление:

– Это вполне возможно, вы ведь не военный преступник. Только для этого рано или поздно придётся начать сотрудничать с администрацией. Разумеется, исключительно в моём лице и без малейшей огласки. Не скрою, я в этом заинтересован. Вы, Вальтер, прирождённый вожак – к вам тянутся соотечественники. Такие люди всегда и везде в центре внимания. Они в равной степени могут быть как весьма полезны, так и чрезвычайно вредны, если не сказать опасны...

Бравен в ответ лишь неопределённо пожал плечами. При этом он прекрасно понимал, подобная манера общения не может не вызвать у гражданина капитана ничего, кроме раздражения. Тем не менее Сташевич не рассердился. Наоборот, он вдруг хитровато прищурился. Ни дать ни взять киношный Ильич! То ли из мальчишеского озорства, то ли от избытка опасно-специфичного польского юмора капитан припустил картавинки в дикцию. И продолжил импровизировать, окончательно перейдя на русский:

– Отчего это вы, батенька, так вдруг возненавидели нашего главного лагерного старшину? Может, всё дело в том, что Вольдемар Шнитке убеждённый антифашист, кандидат в члены нашей партии, а потому активно помогает администрации в идеологической перековке своих соотечественников? Верной дорогой идёт товарищ, вот вы и злобствуете! Или же дело в обычном соперничестве со старшиной Шнитке? Двух вожаков в одной стае не бывает? Банальная ревность! Я угадал? Не так ли, любезнейший?

Военнопленных по выходным и праздникам усердно пичкали киношной ленинианой. И, между прочим, ничто так не сближает людей, как доброжелательный намёк на то, что ты видишь в своём новом знакомом умного собеседника, наделённого тонким чувством юмора.

По мелькнувшей в небесно-голубых глазах Вальтера насмешливой искре Сташевич понял – его псевдотонкая психологическая игра разгадана. Как и ожидалось, Вальтер оказался законченным упрямым, к тому же весьма проницательным. Как ни крути, но по-ленински обаять его не получилось.

– И какого чёрта я перед этим немцем кривлялся? Психолог, блин. Клоун клоуном, – с досадой выругал себя Андрей. Вслух же сухо распорядился: – Можете идти в отряд, Бравен.

В ответ на вопросительный взгляд немца добавил:

– Конвой я отпустил. Вы освобождены из штрафного барака. Тем не менее расследование вашего вопиющего проступка продолжается. Подумайте о своей судьбе, Вальтер. До свиданья.

Бравен вышел из кабинета неспешно. Постоял на дощатом крыльце здания лагерной администрации. Чуть прищурившись, взглянул на запад, в сторону садящегося солнца. Большая часть огромного темно-бордового диска уже почти скрылась за верхушками высоких серозелёных деревьев.

Здесь, в лагере, пахло иначе, чем в тайге. И сразу вспомнился мощный хвойный запах свежеспаваленной сосны. Вальтер ощутил лёгкое покалывание в ладонях, словно и в самом деле коснулся ими колючих веток. Он поднял воротник ватного бушлата и побрёл в сторону длинного сумрачного барака. Дневальный у входа в жилое помещение отреагировал на его появление не слишком эмоционально. Он ничего не сказал, лишь молча кивнул прищельцу да опасливо покосился вслед.

Глава восьмая. Лагерный старшина Шнитке

В кабинет к старшине Бравен вошел на следующий день после прибытия в Бирюлаг. Впрочем, какой там кабинет? Просто отдельная, переделанная из чулана каморка в бараке.

Эти «хоромы» скудно освещал свет тусклой, запитанной от мазутного генератора жёлтой лампы под газетным абажуром. Войдя внутрь этой комнатухи, Вальтер отрапортовал старшине о прибытии. Тот сидел за грубо сколоченным из ящичных досок столом с выражением собственной значимости на жутковатой старообразной физиономии. Словно морщинами, она оказалась изуродованной мельчайшими бесчисленными шрамами. На остром бледном носу старшины красовалось самодельное проволочное пенсне, исполненное лагерными умельцами.

– Проходите, гауптман! – раздвинул Шнитке в неожиданно любезной улыбке тонкие бледные губы. – Присаживайтесь,

– Я рядовой штрафной роты, да и то бывший, – буркнул Бравен. Но на предложенный табурет всё-таки присел.

– Вас, наверное, удивляет моя осведомлённость, герр барон. Но что есть, то есть, – всё с той же любезной улыбкой продолжил Шнитке.

– Спасибо, что не назвали фрайхерром²⁰, господин главный лагерный старшина. В этих стенах такое обращение более чем уместно, – с кривой ухмылкой съязвил в ответ Вальтер.

– В этих стенах, – обвёл рукой Шнитке узкие пределы своих владений, – вы, Вальтер, можете обращаться ко мне по воинскому званию. Тем более что мы были фактически в одном. По документам я бывший оберфельдфебель, но в душе остаюсь офицером. Как и вы, Вальтер, я командовал ротой в чине гауптмана. В моём подчинении находилось почти две сотни солдат.

– Чего вы хотите, Шнитке? – Бравен довольно грубо прервал чрезмерные откровения своего визави.

Двумя пальцами старшина аккуратно снял пенсне с бледной хрящеватой переносицы. Утомлённо вздохнув, он принялся протирать стёкла чистой белой тряпичей.

– Ох уж эти аристократы... Голубая кровь! Все как один несносные строптивцы, – пробурчал он при этом с показным благодушием. Ни дать ни взять – старый добрый ворчливый бюргер.

Внезапным резким движением Шнитке вернул пенсне на место и уставился на Вальтера холодными стеклянными кругляшами. И без того бледное лицо старшины стало совсем белым. Многочисленные шрамы посинели, а рот искривился в брезгливой гримасе.

– Вы нужны мне, Бравен! – почти прошипел он. – Человек, который среди всех этих так называемых соотечественников... Человек, который сумел сохранить достоинство немца и честь истинного арийца – такой человек сейчас в особой цене!

Бравену оставалось только хмыкнуть, что он и сделал.

– Это приметы прирождённого вожака! Ваши люди, почти сотня вновь прибывших из Дальлага немецких солдат, нам очень пригодятся. Вливайтесь в наши ряды. Может показаться, что я стелюсь перед русскими с целью выжить! Но нет! Это не так! Как говорится, найн, найн унд найн! Вернее, выжить – это не самоцель! Такие, как мы с вами, должны вернуться в нашу изнасилованную Отчизну! Возвратиться и начать всё заново! Во имя великой идеи! Во имя нации!

«Да он просто больной! – с некоторым разочарованием подумал Бравен. – Типичный фанатик. На фронте я достаточно насмотрелся на таких шизоидов».

Меж тем, словно таёжный глухарь в брачный период, Шнитке продолжал токовать:

– Добиться настоящей власти можно даже в аду среди чертей. Для этого нужен лишь сильный характер плюс мозги. И ещё информированность. Знание подноготной всех и каждого, вплоть до самого последнего нечистого. Мне удалось приручить звероподобного начальника нашего лагеря. Через этого тупого медведя я получил доступ к нужной информации. Пришлось долгими часами изучать сотни досье на всех нынешних и вновь прибывающих военнопленных. Постепенно я завербовал целую сеть единиц, работающих в первую очередь на меня. Таковых

²⁰ Фрайхерр (нем.) – обращение к барону, дословно свободный господин.

многие десятки. С их помощью я поддерживаю в лагере идеальный порядок. Русские это ценят и безоговорочно мне доверяют. По возвращении в Германию многие из этих людей станут костяком нашей новой организации. Но сейчас мне жизненно необходим верный и преданный помощник, человек со стальным стержнем внутри. Станьте нашим соратником, Вальтер. Соглашайтесь, и вот вам моя рука!

Вольдемар Шнитке поднялся из-за стола, чтобы в самом деле протянуть Бравену свою тонкую бледную кисть.

«Что за мерзкие пальцы у этого самовыдвиженца в новые фюреры! Белесые, тонкие, какие-то бескостные. Не пальцы, а глисты-переростки», – покосившись на протянутых для пожатия «глистов», Вальтер отметил это машинально, даже с какой-то меланхолией. Вслух же он высказался по-русски. Хотя и с сильным акцентом, но зато смачно и с удовольствием:

– Пошёл ты нах...

Вальтер поднялся и, сутулясь, чтобы не задеть головой низко свисающую с потолка тусклую лампочку, повернулся по направлению к двери.

– Хальт!²¹ – раздался за его спиной властный и злобный окрик.

Привыкший к армейской муштре Бравен машинально остановился.

– Ты кем себя возомнил, баронишка? – зашипел за его спиной Шнитке. – Ты что же думаешь, будто я истинной цены вашему вшивому аристократизму не знаю? Правильно фюрер вам, гусям напыщенным, не доверял. Это твои дворяне войну просрали! Голубая кровь! Генералы-фельдмаршалы, фон бароны чёртовы! Будешь делать то, что тебе прикажут, а иначе сдохнешь, дерьмо благородное! Протухнете, ваша милость. Заживо сгниёте в лагерном карцере!

Всё дальнейшее бывший танкист и разжалованный гауптман Вальтер фон Бравен помнил смутно. Помнил собственный звериный рёв. Помнил белую физиономию Шнитке, перекошенную смертельным ужасом. Помнил, как неистово, а потому бестолково и недостаточно сильно бил в живот врага выхваченной из-за голенища короткого сапога заточкой из алюминиевой ложки.

Черт побери, как же долго он шлифовал её черенок о красный калёный кирпич! Выходит, не помогло...

²¹ Хальт! (нем.) – Стой!

Часть вторая «Нуар-морт в таёжных тонах»

Глава первая. «Окаянный дом»

Капитан Сташевич всё-таки решился – сделал Дарье Громовой предложение. Юный военфельдшер с лукавой улыбкой заявила, что ей надо подумать. И только через долгих четыре минуты дала согласие. Сие радостное известие майор Бабр воспринял, добродушно посмеиваясь.

Словно капитан океанского судна, находящегося в рейсе, он имел исключительное право «расписать» молодых людей. И то верно! Ну чем, спрашивается, бескрайние таёжные просторы не океан? Да разве что цвет у этой стихии не синий, а зелёный!

Впрочем, развести каких-нибудь до чёртиков надоевших друг другу супругов из лагерной obsługi начальник Бирюслага почему-то не имел права. Как бы этим самым супругам ни приспичило. Уж таков странный закон.

Играть свадьбу с привлечением гостей из лагерного бомонда новоиспечённые супруги не слишком жаждали. Тем не менее начальник лагеря настоял.

– Ты людей не обижай, капитан, – сурово заявил Бабр. – Прямо тебе скажу: спрячь свой польский гонор куда подальше. У народа в этих глухих краях и так поводов для радости немного, так не лишай его лишний раз возможности повеселиться. Вот наступит восьмое мая, день безоговорочной капитуляции Германии, тогда и праздник отпразднуем, и свадебку тебе с Дашей заодно обустроим. А я уже распорядился, чтобы начпрод Гришаня снеси всякой добыл. И, главное, пару ящиков советского шампанского в области изыскал. Кровь из носа! Так что не кочевряжься, капитан!

– Как прикажете, товарищ майор, – отковырял дисциплинированный Сташевич.

– Ну вот и славно! – пробасил подбравший Бабр. В порыве искренних чувств майор шагнул к Сташевичу и заключил его в свои могучие медвежьи объятия. – Эх, Андрюша! Нам ли жить в печали? – прогудел он в самое капитанское ухо.

* * *

– Ой, слоники! – восхищённо щебетала Даша Громова.

Она стояла перед книжной полкой в доме Сташевича, нежно поглаживая по фарфоровым спинкам двухвостых зверьков.

– Только почему шесть? А где же седьмой? Вот все говорят: пошлость, мещанство! А я прям с детства обожаю!

– Папа Анвей! – дёрнул за штанину Вадик, четырёхлетний сын Даши. – Папа Анвей, а мы с мамой теперь у тебя жить будем?

Сташевич поднял мальчика на руки, заглянул в его небесно-голубые, кажущиеся такими странно-знакомыми глаза, и со всей серьёзностью ответил:

– Конечно, сынок. Мы теперь всегда будем жить вместе!

Тем же вечером Андрею пришлось заступить в ночное дежурство по лагерю. Находящийся в доме полевой телефон зазвонил – провод от него тянулся прямо из-за лагерной колючки. Там, в помещении диспетчерской караульной службы, находился небольшой коммутатор, созданный стараниями Бабра и руками пленных немцев-связистов.

Это чудо технической мысли связывало два десятка абонентов из числа лагерного начальства и старшей obsługi. Достаточно было снять с рычага трубку, как в дежурке загоралась сигнальная лампочка вызывающего номера и раздавался звонок.

Дежурный офицер сообщил капитану о том, что младший лейтенант Rogozin заболел и придётся подменить его.

«А, чтоб тебя! Холера ясна! – мысленно выругался Андрей. – Знаем мы его болезнь...»

Капитану было порядком не по себе. Наверное, оттого, что в первую же ночь совместной жизни он оставлял свою новую семью в доме одну. Причём именно в этом доме.

Сташевич и его жилище невзлюбили друг друга с самого начала. С той первой ночи, когда «добрый старый дом» «порадовал» его тяжким ночным кошмаром в честь новоселья своего хозяина. Не слишком задумываясь над первопричиной, Андрей с той поры стал инстинктивно избегать ночёвок под этой крышей. Он практически переселился в бревенчатое здание лагерной администрации, на облезлый дерматиновый диван в своём «кумовском» кабинете.

В начале второго ночи, завершив с караульными очередной обход лагеря, капитан позволил себе расслабиться. Он снял китель с портупеей и прилёг с книжкой на кушетку в соседней с дежуркой комнате. Только лишь он задремал, как раздался короткий звонок. Андрей накинул китель и заглянул внутрь лагерной диспетчерской. Старший сержант, его помощник, сладко спал, положив голову на стол, на удобно скрещённые руки.

Снова зазуммерил звонок. Зажглась крохотная красная лапочка, кроваво осветилась блеклая карандашная надпись под ней – «Капитан Сташевич».

Встревоженный Андрей сорвал трубку и почти прокричал:

– Даша?! Что случилось?!

В ответ он услышал лишь глухой всхлип. Затем прерывающийся детский голос прошептал:

– Па-па! Там! Там ма...

В трубке едва слышно, словно из дальнего далека, донёсся до Андрея сдавленный женский крик:

– А-а! Не-ет!

Не помня себя, Сташевич метнулся в соседнюю с дежуркой комнату. Там он вытащил из висящей на стуле в портупее кобуры свой тяжеленный ТТ, подхватил заодно ППШ сержанта и, распахнув плечом дверь, бросился со всех ног к лагерным воротам, к своему проклятому жилищу.

– Кто посмел? Кто напал? Лесные звери пробрались в дом? Медведь? Росомаха? – хаотично, сбиваясь вместе с дыханием, мелькали в его голове панические, ужасные мысли. – Нет, не лесные! Гораздо хуже! Двуногие звери! Беглые эки! Уголовники! Напугать! Надо спугнуть! Пока они не...

Сташевич поднял ствол своего ППШ к небу и яростно нажал на курок. Заплясал в руках круглый диск автомата. Длинная очередь разорвала ночную тьму. Через считанные секунды на постах и разбуженные в питомнике яростно залаяли сторожевые псы, взвыли лагерные сирены. Заскользили по крышам бараков лучи мощных, установленных на вышках прожекторов. Словно тараном, капитан собственным телом вышиб тяжёлую дубовую дверь староверческого жилища. Вынес вместе с косяком, позабыв в горячке, что открывалась она всегда не внутрь этого проклятого дома, а на себя...

* * *

После регистрации с Андреем Сташевичем Дарья Громова брать фамилию мужа не стала. Так уж повелось в их роду – все женщины Громовых либо сохраняли свои, либо обзаводились двойными, присоединяя фамилию мужа к девичьей.

Проводив супруга на службу, Даша уложила Вадика спать. А после уже и сама засобира-лась в постель. Вдруг за дверью жалобно замяукал, настойчиво заскребёсь о косяк Дашин кот Черныш. Ещё днём, когда Даша с Андреем собирали свои и Вадика вещи, готовясь к переезду под крышу мужа, кот куда-то пропал.

– Загулял Черныш, – решила тогда Даша. И тут же махнула на это дело рукой. – Ну да ничего, есть захочет – объявится.

Так и вышло. Черныш без труда отыскал новое местопребывание хозяйки. Дарья открыла дверь, и кот проскользнул внутрь. Вместо приветствия черный гуляка на ходу прошёлся лоснящимся гладким боком по голой хозяйской ноге. После этой обязательной процедуры кот начал неспешный обход дома.

Новые владения Чернышу не слишком пришлись по вкусу. Он не тёрся о выступающие комнатные углы и ножки мебели, не пытался их метить, опрыскивая лёгкой пахучей влагой из-под хвоста. Кот обнюхивал окружающее пространство и лишь неприязненно чихал. Да ещё, подрагивая усами, брезгливо поджимал лапки.

Даша поставила на пол блюдце с молоком, однако Черныш даже не прикоснулся к нему. Вместо этого он выперся на середину комнаты и когтями вцепился в цветной верёвочный коврик, лежащий здесь же. Затем выгнул дугой спину, поднял, как траурное знамя, пушистый смоляной хвост и самым чудовищным образом завыл. При этом круглые зелёные глаза Дашиного питомца едва ли не выскакивали из орбит. Окончив «адажио», кот бросился к двери. Решительно замяукав, он потребовал выпустить свою персону обратно на двор.

«Невиданное дело: Черныш всегда ночевал дома на моей кровати, свернувшись калачиком в ногах, – изумилась про себя Даша и тут же принялась оправдывать своего любимца: – С другой стороны, если разобраться, и дом этот не тот, да и кровать пока не моя! Ну, ничего! Привыкнет. Как говорится, стерпится – слюбится».

Пожав плечами, прежде чем запереть дверь, она выставила за неё блюдце с молоком.

Ночью Даша как будто спала. Однако сон её на новом месте выдался каким-то тревожным, прозрачным. Она слышала приглушённые сонные всхлипы Вадика в его кроватке. Слышала, как лениво, по-ночному, взлаивают соседские собаки в дальних домах. Слышала мяуканье Черныша где-то за калиткой и даже лёгкое, едва различимое потрескивание деревянных бревенчатых стен своего нового жилища.

Скрип-скрип-скрип...

Как из-под земли, донеслись до ушей Даши осторожные звуки. Кто-то неизвестный в темноте на ощупь поднимался по невидимым ступенькам. Во внезапной звенящей тишине, словно выстрел, прозвучал резкий одиночный стук, будто на деревянные доски пола уронили что-то тяжёлое.

Шлёп-шлёп-шлёп...

Затоптали по гладким половицам маленькие босые ножки. Совсем близко серебристым колокольчиком прозвенел в ночном сумраке чей-то смех. Смеялся ребёнок. Девочка... Скрипнули пружины кровати Вадика.

– Ма? – услышала Даша его сонный голос.

Ужасно хотелось немедленно проснуться, вскочить с кровати и поспешить к сыну, но внезапная, похожая на паралич слабость не позволила ей этого. Немой ужас призрачной шелестящей чёрной змеей намертво обвил, сковал её тело.

Приложив невероятное усилие, Даша едва повернула на голос сына лежащую на подушке голову. Сквозь щель чуть приоткрытых век она различила маленькую фигуру в белом, стоящую рядом с кроваткой Вадика.

И снова до ушей Дарьи донеслись вкрадчивые глухие звуки.

Скрип-скрип-скрип... Шлёп-шлёп-шлёп...

Кто-то босой, большой и взрослый медленно приближался к её кровати.

Скрипнули пружины, прогнулся край койки. Приплыло из тьмы и нависло над Дашей размытое белесое пятно в ауре зеленоватого фосфорического сияния. Но вот контуры пятна стали чётче... Лицо... Безжизненно-белый женский лик...

Что-то тяжкое навалилось на Дарью. Она захрипела, задыхаясь. Горло сдавил чудовищный спазм. Снова из дальней дали донёлся испуганный голос сына. Где-то на улице застрекотала гигантская трещотка. Тут же загрохотало совсем рядом, как будто затопал огромными сапожищами вломившийся в дом великан.

Затем пришло облегчение и... темнота...

* * *

Вселенский переполох, который устроил посреди своего ночного караула Андрей, даром ему не прошёл. Оперативно прибывший на место происшествия заспанный и перепуганный Бабр едва не прибил своего заместителя собственноручно. И было за что.

Получалось, что не в меру заботливый муж поставил на уши весь Бирюслег из-за банального ночного кошмара любимой жёнушки. Впрочем, обозвав Сташевича «заполошной бабой» и «ссаной истеричкой», майор несколько поостыл. Он устным порядком заключил незадачливого капитана под домашний арест. А потом, оглушительно скрипя хромовыми сапогами, вышел через зияющий дверной проём.

– Долой из чёртова жилища! Прочь из проклятого дома! Вон! На улицу! – уходя, Бабр бесцеремонно прошёлся по старой дубовой двери.

Высаженная хозяином дома, она сиротливо и бесполезно возлежала на полу, перегоревшая выход. Бледная и растерянная Даша сидела на кровати, закутавшись в одеяло. Одной рукой она крепко прижимала к себе Вадика. По всему было видно – и мать, и сын всё ещё во власти пережитого.

– Господи, какая же я дура, Андрюша! Я так тебя подвела, – пролепетала Даша и горько заплакала.

– Мама, не пачь! – хлюпая из солидарности с матерью носом, принялся гладить её по рукам малыш.

Присев на кровать, Андрей крепко обнял обоих. На жену он совершенно не злился. Наоборот, был полностью убеждён, что поступил правильно. А ведь если бы он не успел? Когда Сташевич, высадив дверь, с включённым фонарём и автоматом наперевес ворвался в дом, Дарья уже не дышала. Она лежала на кровати совершенно синяя, будто поздно вынутая из петли удавленница. Чтобы вернуть жену к жизни, Андрею пришлось делать ей искусственное дыхание. Опоздай он хоть на минуту...

– Мама, не надо пакать! Она хорофая! Она не нарофно, – не оставлял своих утешений Вадик.

– Ты о ком, сынок? – одновременным дуэтом спросили Андрей с Дашей.

– О Маса! – довольный, что оказался в центре внимания, малыш принялся взахлёб объяснять: – Маса поиграть ко мне присла. Мама ей не разлеса, а она всё равно присла. А потом Масина мама за ней присла и мою маму напугала! Она не нарофно! Она хорофая!

Андрей и Даша изумлённо переглянулись.

– Да ладно! Не надо мистики, – попробовал объяснить себе рассказ мальчика Сташевич. – Предположим, имя пропавшей девочки Вадик мог услышать из каких-то случайно подслушанных взрослых разговоров. Ну а всё прочее – всего лишь детские фантазии.

Малыш не унимался:

– А потом мама Масы подосла к маме Дасе, и маме Дасе стало похот! Маса с мамой посла вниз, а я сделал дзинь-дзинь папе Андрею!

– Куда пошла Маша с мамой? – сам не зная зачем, рассеянно переспросил мальчика Андрей. – Вниз?

– Вон туда, вниз! – чётко произнёс Вадик и пальчиком указал в центр комнаты.

Сбитый горкой, там валялся цветной верёвочный коврик, истоптанный ворвавшимся в дом караулом. Андрей подошёл к половичку, недоумённо пошевелил, а затем сдвинул его носком сапога в сторону. Взгляду капитана открылся аккуратный квадратный вырез в дощатом полу, ближе к его краю темнело в углублении большое медное кольцо, позеленевшее от времени.

– Пся крев! Крышка погреба, мать её! – с сердцем выругался на обоих языках своих польско-русских предков Андрей. Впрочем, сделал это он про себя, помня о присутствии жены и ребёнка. – И как я её раньше не замечал? Хотя в доме я почти не жил, а вход в подпол до сих пор надёжно прикрывал этот чертячий плетёный цветной коврик.

Выцарапав из углубления зелёное медное кольцо, Андрей откинул крышку погреба. С характерным деревянным стуком та упала на пол. Сидящая на постели Даша вскрикнула и, резко побледнев, зажала рукой рот. Из погреба мощно пахнуло заброшенным склепом, заставшей плесенью, но попеременно с прохладой...

Сам не до конца сознавая, зачем он это делает, Андрей сходил в сарай за старой огородной лопатой. Подсвечивая себе любимым немецким трофейным фонариком, он медленно и осторожно стал спускаться в подвал.

– Скрип-скрип-скрип, – вкрадчиво пели под его сапогами старые деревянные ступеньки.

Добравшись до земляного, а вернее, песчаного пола погреба, Андрей едва не упал. Под ногами зачавкали скользкие куски полусгнившего картофеля. Приспособив зажжённый фонарик на одной из средних ступенек, среди белесых клубков густой паутины, Сташевич принялся расчищать изрядно окаменевший песчаный пол подвала. Копать очищенный и утоптаный участок было трудной работой только вначале. Чуть глубже пошёл сухой песок, он оказался не слишком слежавшимся и легко поддавался. Андрей выкопал яму не меньше метра глубиной и хотел было оставить это бесполезное занятие, но тут лопата ткнулась во что-то мягкое.

Андрей взял со ступеньки фонарик...

В душе он уже знал, что увидит в свете луча...

– Проклятое место! Окаянный дом!

Глава вторая. Пуговица

Таёжный песчаный грунт, совсем небогатый бактериями, очень холодный и местами мёрзлый, тела Елены и её маленькой дочери сохранил почти в целости. Останки женщины и ребёнка лишь немного мумифицировались, словно какой-нибудь царственный прах из древнеегипетской пирамиды.

Вызванный Сташевичем Бабр на месте страшной находки повёл себя странно. Вопреки ожидаемому – как-то не слишком эмоционально. Сташевичу даже померещилось, что майор не слишком удивлён произошедшим.

После предварительного осмотра и извлечения тел Поплавских с места захоронения произошёл один малоприятный инцидент. Станный казус, хотя и не замеченный никем, кроме Сташевича. Находясь спиной к начальнику лагеря, Андрей вдруг почувствовал странный зуд между лопаток. Сташевич покосился через плечо и наткнулся на тяжёлый, чуть ли не «убийственный» взгляд Бабра. Капитану на миг показалось, что тигриные глаза Бабра с вертикально удлинёнными янтарными зрачками источают прямо-таки звериную, практически смертельную ненависть.

«Это он в мой адрес, что ли? – заинтересовался, немного удивившись, Андрей. – И с чего бы это? А, товарищ майор?»

При этом объявленный Бабром домашний арест Сташевича самоликвидировался по умолчанию. На просьбу Андрея разрешить ему действовать в этом деле по своему усмотрению начлагеря, пряча глаза, лишь коротко буркнул:

– Добро, капитан.

При редкой необходимости вместо морга в лагере, да и в таёжном посёлке, использовали всё те же холодные подвалы с песчаным дном. Поэтому для детального осмотра найденные тела и, если получится, аутопсии²² Сташевич приказал доставить на территорию лагеря в помещение фельдшерской.

Четверо солдат охраны тащили друг за другом носилки с укрытыми простынями телами. Неподдалёку от лагеря, на пригорке, замыкавший это скорбное шествие Сташевич распорядился сделать привал и перекурить. Солдаты поставили носилки одни возле других, уселись неподалёку и закурили. Внезапно налетел порыв ветра, взявшийся, в общем-то, ниоткуда в такую тихую с самого утра погоду.

Простыни, укрывавшие покойниц, распахнулись, явив свету облачённые в белые ночные рубашки желтоватые тела женщины и маленькой девочки. Нежданный ветер не стихал, он подхватил края простынь, да нет, скорее, саванов, и, разметав их по краям носилок, превратил в трепещущие, тщетно жаждущие полёта крылья...

Ярко сияло солнце. Плыли высоко в небе лёгкие перистые облака. Совсем рядом густо зеленел наполненный жизнью таёжный сосновый лес.

Сташевич оцепенело смотрел на саванокрылых покойниц. Ему надо было окликнуть не замечающих непорядка солдат, но Андрей молчал...

– Нуар?! Да нет! Это, скорее, какой-то дикий «нуар-морт»²³ в таёжных тонах!

* * *

В своё время запасливая фельдшерица Поплавская, пользуясь особым расположением начлагеря, кроме прочих медикаментов выписала из области целую прорву концентрированного американского формалина. Так что некоторое время после вскрытия хранить тела можно было в растворе этого антисептика.

«Старалась, будто для себя», – узнав об этих подробностях от Дарьи, мысленно поёжился Сташевич.

К гордости своего мужа, военфельдшер Дарья Громова оказалась настоящим профессионалом. Никакие дикие сновидения, пережитые прошлой ночью, не помешали ей чётко выполнять свои обязанности. Отличница по жизни и вечная ученица, она постоянно штудировала разнообразную медицинскую литературу. Не оплошала Дарья и в роли практикующего патологоанатома. Для начала перед вскрытием она в присутствии Сташевича, ответственного за предварительное дознание, тщательно осмотрела трупы. Как отметил Андрей, при этом у Громовой даже не дрожали руки. Лишь сильная бледность открытой части лица, особенно заметная над синей марлевой повязкой, немного выдавала её.

«Холера ясна, – Андрей молча посочувствовал жене. – Весёлое дело – вскрывать днём тела мертвецов! Именно тех, что ночью во сне в виде призраков чуть было не угробили тебя в жутком кошмаре...»

²² **Аутопсия** (мед. термин) – вскрытие трупа для патологоанатомического и (или) судебно-медицинского исследования последнего.

²³ **Морт** (фр. *morte*) – мёртвый, мёртвая. **Нуар-морт** – здесь Сташевич, отталкиваясь от хорошо известного слова *натюрморт*, случайно изобретает из двух ранее известных, но несвязанных **нуар** и **морт**, новое слово – **нуар-морт**. Буквально это перевести нельзя. По значению получается нечто запрёдельно «**мрачно-мёртвое**».

Уже к вечеру новоиспечённый прозектор отчиталась перед начальством, то бишь мужем Андреем.

– Смерть от удушья, – почти уверенно заявила Громова и тут же ответственно поправилась: – С высокой вероятностью вскрытие показало, что мать и дочь Поплавские были задушены.

В принципе, результаты вскрытия мало что давали Сташевичу. Тем не менее он уточнил:

– Как?

– Скорее всего, подушками. Поскольку каких-либо дополнительных следов на их шеях, к примеру, от рук или верёвок, я не обнаружила.

У лагерного электрика Андрей раздобыл мощный переносной аккумуляторный фонарь и отправился с ним на место. Капитан устал, крепко продрог да и промок. Наконец, так ничего не найдя, он встал, отряхнув от песка влажные на коленях галифе и обшлага гимнастёрки.

Выбравшись из погреба, Сташевич направился к рукомойнику. Прежде чем взять кусок мыла, он случайно поднес руки к лицу и вдруг... принялся чихать. Происходил этот процесс неудержимо и неистово. Ничего подобного за собой Сташевич раньше не замечал. От этого захватывающего занятия Андрея отвлёк звонок телефона, того самого, спасительного...

– Андрюш, – раздался в трубке голос Даши. – Даже не знаю, как тебе сказать.

Голос жены показался Сташевичу каким-то неуверенным, даже потерянным.

– Что случилось, малыш? – встревожился Андрей.

– Давай не по телефону, – попросила Даша.

«Коммутатор на КП легко прослушать», – понял намек капитан и тут же поспешил «за колючку», в фельдшерский барак.

* * *

– Сам посмотри! – кивнула Даша в сторону одного из двух покрытых серой клеёнкой импровизированных прозекторских столов.

Оба этих дощатых настила наспех соорудили из длинных и высоких фанерных ящиков. Андрей подошёл к столу поменьше. На нём, укрытое желтоватой застиранной лазаретной простынёй, лежало маленькое тело. Из-под покрывала наружу выглядывала часть тонкой детской ручки с крохотной полураскрытой кистью. Запястье было аккуратно надрезано.

– Правая рука девочки оказалась сжатой в кулак посмертной судорогой, – глухим голосом пояснила Громова. – Мне это показалось подозрительным. Я попыталась разжать кисть ребёнка. Захват оказался таким сильным, что пришлось надрезать сухожилие.

Стараясь сохранять спокойствие, Сташевич заглянул в полураскрытую, словно обескровленную, бледную детскую ладошку. Там что-то поблескивало. Дарья взяла пинцет, чтобы с его помощью вынуть из мёртвой руки... пуговицу. Блестящую, ничуть не потускневшую, красивую бронзовую пуговицу. На ней красовался рельефный литой герб СССР. Герб был выполнен тщательно, возможно, даже отлит вручную со всеми мелкими деталями и подробностями.

– Маршал или генерал армии? – внезапно севшим голосом спросил Сташевич, будто у самого себя.

– Майор, Андрюша! – глядя прямо в глаза мужа, чётко и даже с каким-то вызовом произнесла Дарья. – Всего лишь майор, не по чину франтоватый!

* * *

Сидя в своем кабинете, Сташевич мрачно размышлял. Кто виноват, понятно. Но он просто не представлял себе, что ему делать дальше. Согласно создавшейся ситуации, по всем военным и гражданским законам, начальнику оперчасти следовало без промедления арестовать

своего командира. Вернее, задержать до выяснения обстоятельств. А после задержания доставить подозреваемого в тяжком уголовном преступлении в район. Преступление непростое – жестокое двойное убийство.

Но это теория, поди ж ты! Ага, арестуй, задержи начальника Бирюслага майора Бабра. А потом доставь куда следует! Да он сам кого захочет арестует! Надо будет, так и на месте пристрелит. Тут к бабушке не ходи. Пристрелит, а потом ещё и свою правоту докажет, как пить дать.

Андрей чувствовал себя беспомощным мерзким трусом – на фронте ничего подобного с ним случиться не могло. Когда надо было, капитан Сташевич действовал жестоко и решительно, невзирая на чины и звания. Но то на фронте...

– Пся крев! – мысленно ярился Сташевич. – Мне сейчас просто необходима силовая и моральная поддержка! Если бы ещё два, да что там – хотя бы один честный и принципиальный офицер! Да где его взять, такого?! Не с Рогозиным же на этого тигро-медведя идти?

И ещё кое-что смущало капитана. Неуверенность в виновности командира. Андрей совершенно не мог представить себе майора Бабра, душащего подушкой беспомощного ребёнка. Ну никак не ложилась такая гнусь на его образ, как ни крути.

– Но тогда как понимать тот ненавидящий взгляд майора? Взгляд в спину человека, нашедшего его жертвы: трупы Поплавской и её дочери? – мучился противоречивыми сомнениями Сташевич.

От тяжких дум начальника оперчасти оторвал звонок телефона. Андрей поднял трубку.

– Сташевич слушает!

– Андрюша! Срочно запри кабинет, – услышал он взволнованный и дрожащий голос жены.

– Зачем?

– У меня в лазарете только что побывал Рогозин, – она частила нервной скороговоркой. – Без разрешения вошёл в комнату, ту, что с телами Поплавских. Я не успела его остановить. А там – как ты велел! Всё оставлено на месте. Пуговица! Он наверняка её увидел. Рогозин выскочил из комнаты с пистолетом в руке! Сам белее смерти. Весь трясся. Он в управление наверняка побежал. Ты запер дверь? Запри! Срочно зап...

Дальше Сташевич слушать не стал, бросил трубку. Вскочил и, вырывая на ходу из кобуры пистолет, бросился по лестнице на второй этаж. К кабинету начальника лагеря.

Сверху приглушенно грохнул выстрел табельного ТТ.

– Эх, Даша! Не тому ты позвонила! Не мне, а Бабру надо было срочно запира́ть кабинет, – бились в голове Андрея под аккомпанемент учащённого пульса тревожные мысли.

Дверь в кабинет начлагеря оказалась настежь распахнутой. В нос саданул до боли знакомый запах сгоревшего пороха. Рогозин стоял спиной к входу, посреди комнаты, загораживая письменный стол майора. В правой, заметно подрагивающей руке младший лейтенант держал пистолет.

Не раздумывая, капитан Сташевич тяжёлой рукояткой своего ТТ нанёс ему оглушающий профессиональный удар между лопаток. Рогозин, словно переломившись в коленях, рухнул на пол лицом вперёд. Бледный, с перекошенным от боли лицом Бабр сидел за столом.левой рукой ниже правого плеча он зажимал обильно кровоточащую рану.

Андрей сорвал трубку со стоящего на столе телефона.

– КП! Коммутатор! Срочно Громову в кабинет главного! Здесь раненый!

– Я здесь, товарищ капитан, – раздался за спиной Андрея голос жены.

* * *

Оба пострадавших, как начлагеря, так и покушавшийся на него подчинённый, оперативно получили первую помощь. Бабру повезло, пуля прошла его плечо навывлет. Оглушённый Рогозин тоже сильно не пострадал. После доброй порции нашатыря, со связанными за спиной собственным ремнём руками, он сидел посреди кабинета на стуле. Голого по пояс, перевязанного белоснежными бинтами Бабра разместили на старом дерматиновом диванчике.

Обычно этот предмет казённой мебелировки был вальяжно, по-купечески укрыт чёрно-коричневой, с шёлковым отливом куньей накидкой. Любовь Бабра к неуставной роскоши пришла нынче кстати. Сей царственный меховой палантин пригодился для его раненого хозяина – теперь в качестве одеяла.

Больной, уколотый от болевого шока дозой морфина, явно расслабился.

– Какой же ты дурак, Алексей Иванович! – почти добродушно ворчал он в адрес Рогозина. – Ну ладно Сташевич. Он человек новый, меня толком не знает. Но ты-то! Мы же с тобой с мая тридцать девятого, с самого Халхин-Гола знакомы. Ты рядовым, а я старшиной – вместе у комкора²⁴ Жукова служили. Кто как не ты меня подраненного три километра на себе до лазарета нёс? И ты же, мой товарищ старый, теперь меня в ушкуйники²⁵, детоубийцы записал! Да как же ты мог такое помыслить?! Чтобы я Лену и Машеньку своими руками?

– Пу-пуговица! – глядя куда-то в пол, просипел Рогозин.

– Да подарил я эту пуговицу Машеньке! А-а! Дрыть его! – вскинулся на диване Бабр. И тут же, скривившись от боли, улёгся обратно. – Не одну, несколько подарил.

– Несколько? – растерянно пробормотал Андрей.

– Поищите, в доме ещё где-то должны быть, – устало продолжил майор. – Уж больно малышке это цыганское золото нравилось. Блестит же! У соседей в лагере умельцы бронзой откуда-то разжились и всякие побрякушки из неё лить наладились. А с фурнитурой офицерской в лавках военторга сами знаете как. Вот ихний начлагеря коллегам-соседям и способствует.

– Любил я их, – прошептал пересохшими губами Рогозин. – Леночку и Машеньку. Как родных...

– Кто ж их не любил! – горько усмехнулся Бабр. – Я, может, ещё поболее твоего. К красоте да молодости все тянутся... От и начпрод наш Гришаня, дрыть его! Даром что семья у него на большой земле. А всё туда же, болтун-говорун усатый! Частенько возле дома Поплавской уживался. С подарочками... Мне докладывали... Доброжелатели, мля!

Майор повернул голову к Андрею и тихо продолжил:

– А ты молодец, капитан! Смекнул насчёт Лены с дочкой. Ты когда их нашёл, я сперва сильно на тебя осерчал. Сам не знаю почему. Наверное, потому, что ты надежду у меня отнял. Крохотную надежду, но всё же...

Глава третья. Фон Бравен (Сын за отца)

Бурные события последних дней необычайно взбудоражили маленький мирок охраны. Обслуга Бирюслага тоже в стороне не осталась. Однако на размеренном режимном существовании полутора тысяч военнопленных немцев это не отразилось.

Насильственно собранная иноземная людская масса, ввергнутая роковыми обстоятельствами во враждебную и чужеродную, дикуую таёжную дремучесть, она продолжала влачить своё привычное существование. Во всех смыслах замкнутое и обособленное бытие.

²⁴ **Комкор** – командир корпуса.

²⁵ **Ушкуйник** – разбойник, убийца.

Чувство лютой ненависти к этим людям сопровождало капитана Сташевича всю войну. Чем дальше Андрей с войсками продвигался на Запад, чем больше узнавал о немыслимых зверствах, массовых убийствах военнопленных красноармейцев и беззащитных гражданских, тем больше ненавидел немцев. Это жгучее тёмное чувство усиливалось и крепло с каждым вскрытым рвом, полным женщин, стариков и детей. С каждым освобождённым концлагерем, пропитанным кричащим скорбным духом невинно убиенных людей...

Сташевич был убеждён, что эта ненависть не покинет его никогда. Но так уж случилось, что он пережил её. Недаром говорят: все проходит. Прошло и это. Причём как-то неожиданно быстро, в течение года. Тысячи немецких солдат, оказавшись в русском плену, мгновенно превратились в покорных бесправных рабов. Стали жалкими, прячущими глаза жертвами рока и обстоятельств.

После Сталинграда, когда в плен сдалась целая армия, смертность среди немцев была огромной. А все выжившие как будто понесли на себе некую «каинову печать». Это виделось в их сутулых спинах, в их вечно напряжённых затылках...

Беседуя со многими военнопленными по отдельности, не переставая этому удивляться, Андрей видел перед собой самых обычных людей. Иногда казалось, таких же, как и он сам.

– Послушайте, как же вы могли? Как позволили себе сотворить такое в захваченных вами землях и странах? – не удержавшись, спросил он как-то одного бывшего фельдфебеля, интеллигентного, приятного и общительного. Парень был призван на фронт с последнего курса Берлинского университета.

– О! Найн! Найн! – в ужасе замахал руками немец. – Это не мы! Мы, вермахт, в таком не участвовали! Это всё СС! Это они!

«Существует ли в головах этих немецких мужчин ясное осознание причинной связи между их недавним прошлым и настоящим?» – часто задавался одним и тем же вопросом Андрей.

Он мысленно ставил себя на место военнопленного немца и тут же отвечал за него:

«Да! Я и мы – все побеждены! Да! Моя и наша армия, моя и наша страна разгромлены! Расплата за это врывается в мои лёгкие с каждым вдохом, наполненным хвойной лесной смолистой горечью. В мои уши каждое утро с рёвом лагерной сирены. В мой желудок с каждым глотком лагерного супа».

«Испытывают ли они чувство вины или хотя бы какую-то часть своей личной ответственности за прошлое? Принимают ли нынешнее своё состояние как справедливое воздаяние за него?» – продолжал философствовать капитан.

«Что? Справедливость? – возмущался внутри Андрея воображаемый немец. – Да какая тут, шайзе, справедливость? Конечно, нет! Мы были всего лишь солдатами! Нам приказывали, мы исполняли! На фронте для солдата есть один закон: воюй и не рассуждай!»

«А чего я от них хочу? – безнадежно вздыхал про себя Сташевич. – Чтобы тысячи этих Гансов, Генрихов, Куртов и Клаусов, словно некий невнятный полубезумный русский убийца-самоед Раскольников, мучились чувством тяжкой вины в их таёжном узилище? Себя они жалеют! Себя и только себя! Может быть, хоть что-то поймут их дети! Или внуки! Когда-нибудь... Может быть. Впрочем, всегда имеются исключения...»

* * *

В кабинете начальника лагерной контрразведки Вальтер сильно покривил душой. На допросе он тогда почти что с апломбом заявил капитану Сташевичу, что не собирался убивать Шнитке. Себе же со злобой и горечью Бравен говорил иное:

– Какое там не собирался? Да я просто жаждал его убить! Разорвать, превратить этого мерзавца, эту фанатичную мразь в кровавые ошметки!

Подвела правая рука. Последствия осколочного ранения в плечо. В самый ответственный момент она просто отказалась повиноваться своему хозяину. На резкое движение правое плечо отозвалось такой яростной огневой болью, что Вальтер чуть было не потерял сознание. Тем не менее он продолжал наносить удары. Вернее, пытался это делать. Увы, только пытался!

На вой Шнитке влетели в коморку его подручные, дюжие сытые парни с алыми повязками активистов на рукавах. Они принялись методично и со знанием дела избивать Вальтера. Хорошо, что вмешались приятели, самые близкие из сотни его товарищей по прежнему лагерю. Почти все они были из бывших танкистов и не раз выручали друг друга в подобных переделках.

Внутри коллектива военнопленных ещё со времён начала войны царил порядок, отдалённо напоминающий самоуправление. Лагерная администрация это самоуправление, разумеется, жёстко контролировала. Во всяком случае, ей таковое мнилось. Старшины барачных, взводов, рот и отрядов назначались русским начальством.

Однако происходили эти назначения не без деятельного влияния «авторитетов» из военнопленных. Лагерных старшин, которые на деле доказали свою лояльность администрации, расположили к себе непростым умением поддерживать жёсткую дисциплину в своих подразделениях. В конечном итоге реальная власть в лагере для военнопленных, впрочем, как и в обычном гуглаговском, оказывалась в руках кучки самых активных негодяев. Людей властных и жестоких, лишённых каких-либо принципов.

Для поддержания своей популярности эти субъекты порой вынужденно играли в справедливость. На деле ради выгоды они готовы были предать и продать всё и вся. Вальтер почти за три года плена прошёл через несколько лагерей в Центральной России и Сибири.

По странной закономерности почти в каждом из них реальной властью становились бывшие эсэсовцы – многие отъявленные военные преступники. В хаосе первых месяцев плена эти люди сумели поменять личины. Происходило это довольно просто. Смертность среди военнопленных, особенно после Сталинграда, была огромной. Чего проще было поменяться документами с кем-нибудь из своих менее удачливых соотечественников.

Правда, в этом случае приходилось отправляться из более комфортного офицерского лагеря в лагерь для рядовых. Зато теперь тебе не грозило разоблачение и чреватое виселицей обвинение в военных преступлениях. Чинам ниже лейтенанта, пусть даже служивших в составе войск СС, было и того проще. До этих мелких бесов у русских следователей и начальников оперативных отделов лагерей просто не доходили руки. Если, конечно, последних по-тихому не сдавали свои же...

В первые месяцы плена Бравен часто спрашивал себя, известно ли русским, кто на самом деле верховодит в лагерях вверенных им военнопленных? Через некоторое время этот вопрос сам собой отпал. Бравен вполне убедился, что русская администрация прекрасно знает о большей части её ставленников. По многим лагерным «активистам-антифашистам», старшинам рот и отрядов, плакала верёвка и скучала расстрельная команда. Конечно же, русским было многое известно об этих деятелях, часто настоящих военных преступниках. Однако их всё устраивало – был бы порядок в лагере.

Как и многие офицеры-фронтовики, сам Вальтер, служивший в обычных частях вермахта, терпеть не мог эсэсовцев. И если с заносчивыми, мнящими себя элитой бойцами из фронтовых подразделений СС можно было как-то сосуществовать, то к тыловым «войскам», убийцам старух и младенцев, он, Вальтер фон Бравен, как и его товарищи по оружию, питал стойкое, чисто физиологическое отвращение. Эти парни, отмеченные почётными знаками с мечом, пронзающим змею, могли сколько угодно рассказывать о своём ратном труде, борьбе с подлыми головорезами, бандитами-партизанами. Бывалый окопник всегда мог отличить настоящего солдата от грязного падалыщика из зондеркоманды.

– Не удивлюсь, если Шнитке окажется как раз из таких, – злобно размышлял Бравен. – От этого мерзавца за километр разит мертвечиной!

Новый начальник оперчасти Вальтера больше не беспокоил. По крайней мере, за прошедшие две недели – ни разу. То же касалось выписанного из санчасти Шнитке. Главный лагерный старшина демонстративно не замечал своего несостоявшегося убийцу. По крайней мере, искусно делал вид. У Вальтера постепенно создалось впечатление, что у Шнитке, как и у русского капитана, появились куда более важные, чем его скромная персона, дела. Зато появилась другая напасть. Сны! Нет, не кошмары. Нечто похуже. Серые, мрачные грёзы. Полные неизбывной тоски видения. Всякий раз, как и в первую ночь, которую Бравен, арестованный за нападение на Шнитке, провёл в ШИЗО, он видел одно и то же...

Вальтер едва сомкнул глаза и тут же оказался в неведомой сумрачной и холмистой местности. Страдая от холода и сырости, он брёл по этой безжизненной пустыне. Наконец, к радости путника, вдали мелькнул бледно-красный отблеск.

Огонь! Возможно, костёр! По мере приближения рядом с костром начала различаться какая-то странная остроголовая фигура. Силы Бравена были уже на исходе. Он добрёл до костра и, не спросив позволения у сидящего возле него незнакомца, примостился рядом. Однако толку от этого костра оказалось немного. Вальтер протянул озябшие руки к бледным синевато-розовым, едва колышущимся языкам пламени.

Какое нещедрое, ускользящее призрачное тепло... Чтобы как-то согреться, Бравену пришлось засунуть ладони в самую сердцевину огня. Вальтер покосился на соседа. Незнакомец, облачённый в серые, напоминающие монашескую рясу одежды, молчал и не двигался. Островерхий, глубоко надвинутый на глаза капюшон полностью скрывал его лицо. Вальтер уловил какое-то движение над головой этого странного, похожего на католического монаха человека. Медленно преодолевая внезапно сковавший всё его тело необъяснимый животный ужас, Вальтер поднял глаза. Он смотрел и видел происходящее, словно через толщу мутной воды.

Над остроконечным капюшоном незнакомца парило нечто... Что-то напоминающее полупрозрачную человеческую фигуру в просторном балахоне. Края его колыхались, подобно плавникам огромной неведомой рыбы. Как и у сидящего рядом, тёмный островерхий капюшон венчал голову этого призрачного существа. Его одеяние также в точности копировало серую хламиду соседа Бравена. Вокруг видения медленно вращались какие-то туманные завихрения: то ли смерчи, то ли водяные или воздушные потоки. В отличие от соседа-монаха, у этого парящего призрака можно было различить под капюшоном часть лица. Оно было изжелта-бледным и неподвижным, словно высеченным из камня. Ещё был виден тяжёлый подбородок да изогнутая, горько опущенная уголками вниз тонкогубая щель рта.

Неожиданно парящий призрак плавно опустился за спиной монаха и тут же слился с ним, словно вошёл в его тело.

– О, Ва-альте-ер!

Этот жуткий стон прозвучал не в ушах Вальтера. Нет! Он словно возник где-то внутри головы! В самой глубинной глубине мозга.

Бравен вдруг с необъяснимым ужасом понял, что стон этот исходит от его соседа по костру.

– Кто ты? – терзаемый страшной догадкой, вопросительно прохрипел Вальтер.

– *Кульпа-а*²⁶! – прошелестело со всех сторон.

* * *

²⁶ **Кульпа-а!** (лат. culpa). **Mea culpa** (лат. моя вина), **mea maxima culpa** (лат. моя величайшая вина) – формула покаяния и исповеди в религиозном обряде католиков с XI века.

Всё-таки Шнитке не оставил без должного внимания своего нового врага. В этом Вальтера Бравена в течение всей третьей недели после известного происшествия неоднократно пытались убедить самые разные люди. То невзначай лопнули вдруг сразу несколько стальных стяжек на железнодорожной платформе. С лязгом и грохотом в двух шагах от Вальтера рухнули на землю и раскатились две трёхтонные рельсовые связки. То в паре сантиметров от его виска пронёсся крупный кусок гравия из насыпи, вырвавшийся, словно из пращи, после чьего-то неловкого удара кувалдой мимо забиваемого в шпалу костыля. То вдруг, конечно же, совершенно случайно выпала из рук на насыпь и выстрелила в его сторону заряженная, с загнанным в ствол патроном винтовка русского недотёпы-охранника.

Вальтеру везло. Но, как по слухам, досиживая свои последние деньки в бункере, говаривал покойный фюрер:

– Всякому везению, друзья мои, когда-нибудь приходит капут!

Бравен усмехнулся мелькнувшей в его голове популярной среди военнопленных горькой шутке и тут же пожалел об этом. Лёгкая гримаса вызвала такую боль в затылке, словно в него с размаху всадили железнодорожный костыль. Дорогие соотечественники всё-таки достали разжалованного гауптмана, бывшего рядового штрафного подразделения Вальтера Бравена.

Он помнил, как, получив разрешение охранника, отошёл по нужде от железнодорожной насыпи и, едва углубившись в тайгу, остановился возле огромной и пышной ели. Затем вспышка ярчайшего фейерверка в глазах и стремительный полёт в тёмно-зелёном таёжном космосе. Сквозь нещадно, яростно царапающие лицо, длинные, остро пахнущие хвоей, беспощадно острые иглы изумрудных звёзд.

Хотя, если быть честным, везение Бравена продолжалось. В конце концов, он жив и лежит не хладным кадавром в песчаном таёжном грунте, а тёпленьким живым дураком в лагерном лазарете. У этого дурака, как у египетской мумии, туго и напрочь забинтована голова. Наружу торчит лишь крупный породисто-фамильный нос. Да ещё оставлена в бинтах прорезь для глаз. Ни дать ни взять – танковая смотровая щель.

– Слушай, Даш! – раздался рядом с Вальтером тихий знакомый мужской голос. – Он как, этот Бравен? Совсем тяжёлый или выкарабкается? Видок-то у него не очень!

– Ну я же не врач, Андрюш! – ответила неизвестная молодая женщина. – Да и не больница здесь у меня, так, лазарет при медпункте. Ты, да я, да товарищ майор Бабр – вот и весь консилиум. Я простой фельдшер, а тут ЧМТ²⁷! Подождать надо, увидим. Всё, что я могу, – это капельница да обезболивающие. Его друзья перебинтовали умело, как мумию, так я и не трогала больше, не беспокоила, не осматривала, лица не видела. Ему полный покой нужен, может, и выкарабкается. Кстати, немцы, которые его доставили, с побитыми физиономиями были! Подрались они там, в тайге, между собой, что ли?

* * *

Вальтер пробыл в лазарете всего лишь пару суток. На третий день хозяйка этого лагерного госпиталя, молодая женщина-фельдшер, пришла осмотреть Бравена. Она осторожно сняла бинты с его головы и ощупала гематому. Потом взглянула в глаза, чтобы проверить зрительные реакции и... в ужасе отшатнулась.

Вальтер даже не сразу понял, что происходит. А когда понял, растерялся. Да нет – не то! Он до тошноты, до дрожи в коленях, до рези в животе испугался! Да что там говорить! «Бесстрашный барон», не боявшийся на фронте ни чёрта, ни дьявола, попросту говоря, по-заячьи струсил!

²⁷ ЧМТ (мед.) – черепно-мозговая травма.

В смотровом кабинете они находились вдвоём. Женщина отвернулась к лотку с какими-то медицинскими инструментами и стояла теперь молча, что-то там механически перебирая. Вальтер же бессмысленно пялился на её напряжённую, обтянутую белым халатом спину и молчал. Да и что скажешь, когда у тебя попросту отсох язык.

– Я знаю, что вы хорошо говорите и понимаете по-русски! – нарушила, наконец, молчание фельдшерица. – Это так?

– Я-а! Да! – внезапно осипнув, заставил себя ответить Бравен.

– Так вот! Слушайте и запоминайте... – деревянным голосом, всё ещё стоя спиной к Вальтеру, продолжила женщина. – Мой муж заместитель начальника этого лагеря. Вряд ли нужно объяснять, что именно он сделает с вами, расскажи я ему эту историю.... Грязную историю про грязную деревенскую баню, а также про то, как вы там со мной поступили...

– Но... я... мне... простите... – промямлил было Вальтер, но женщина не оборачиваясь перебила его.

– Скажите спасибо, что мне не нужна такая слава! – продолжила она звенящим от гнева голосом. – От вас требуется немного. Просто молчание... Я выписываю вас. На неделю освобождая от работ. Надеюсь, мы поняли друг друга? Идите.

«Вот дерьмо! Только этого мне ещё не хватало, – выскочив в полном смятении на крыльцо лазарета, злился на весь свет Бравен. – Да и как это может быть? В этой необъятной стране, среди сотен миллионов людей – она, та самая худенькая девочка из сожжённой деревни на окраине Смоленска, встретила именно здесь, именно со мной? После всего пережитого, после наполненных кровью, грязью и мерзостью лет, судьба вдруг сталкивает меня с этой русской. Ну да! Чести в этом было немного! Но что уж такого ужасного мной было сотворено?! Я не трус и всегда прямо смотрел в лицо миллионоглазой военной смерти! Да! Я, голодный молодой мужчина, поступил тогда с ней не лучшим образом! Но не убил же, в конце концов! Как там её звали?»

Впрочем, не надо врать самому себе – он никогда и не забывал этого имени.

Её звали Дарья Громова. Даша...

Глава четвёртая. «Дознание капитана Сташевича». Станислава Каземировна

После пережитого в клятом доме семья Сташевичей-Громовых там не осталась, срочно вернулась в прежнее жилище Даши. Как можно жить в этом страшном месте, они представить себе не могли. Меж тем загадочное убийство так и оставалось нераскрытым.

Приезжал военный следователь, старший лейтенант из самого Иркутска. Фамилия у него была красноречивая – Халтурин. Ходил этот Халтурин вальяжно, водил хмурым носом да лениво опрашивал свидетелей. Через пару-тройку дней старлей засобирался обратно, объявив Бабру о раскрытии дела.

Убийство Поплавских этот следак списал на четверых беглых уголовников, которые прошлым летом бежали из соседнего лагеря, что всего лишь в четырёхстах километрах вверх по реке. Их последнюю стоянку случайно обнаружили охотники в сотне километров от Бирюслуга. Далее следы беглецов вели к гиблым местам, в область непроходимых таёжных трясин...

По версии иркутянина, стройной и безукоризненной, беглые зэки забрались ночью в дом фельдшерицы по банальной причине – за продовольствием. Хозяйку с дочкой задушили, чтобы не шумели, после закопали в погребе. Правда, вопрос, зачем беглецы потратили время и силы на столь сложный и бессмысленный процесс, старлей внятно прояснить не смог. Зато в качестве убийного доказательства своей правоты предъявил вещдок – потёртый зэковский кисет

из крысиных шкурок. Якобы его он нашёл в погребе дома Поплавских, на месте их захоронения. На кисете были вытравлены инициалы одного из беглых.

То, что этот «ценный» предмет иркутский следак привёз с собой, у Сташевича сомнений не было. Андрей ещё до его приезда лично перелопатил весь грунт в погребе, проверил основательно, чуть ли не просеял. Правда, ему пришлось работать в старом противогазе, раздобытом с большим трудом. Носоглотка без защиты в этом чёртовом подполе почему-то просто горела, вызывая приступы неудержимого чиха.

Впрочем, и кое-какая польза от этого Халтурина тоже случилась. Андрей узнал от него последний адрес проживания Поплавских. Оттуда, оставив семью, ушёл на фронт в самом конце войны юный глава семейства, лейтенант Василий (Войцех) Поплавский. Где и погиб.

С превеликим трудом словив упорное сопротивление Бабра, Андрей вытребовал у него командировочное предписание, чтобы отправиться вместе со следаком в областной центр, город Иркутск. Прямо с вокзала, не отвлекаясь на другие дела, Сташевич устремился к нужному адресу. Ему повезло. Дверь бывшей квартиры Поплавских открыла сгорбленная седая старушка.

– Здравствуйте! Капитан Сташевич, – предъявил Андрей своё развёрнутое удостоверение начальника оперчасти. – Имя Елены Поплавской вам знакомо?

– Ах, молодой человек! Как не знакомо? Конечно же, знакомо! – обрадовалась-забеспокоилась бабушка довольно интеллигентного вида. – Леночка жена моего внучатого племянника, погибшего на фронте. С ней всё в порядке? А как Машенька? Здорова ли?

– С ними всё в порядке. Передавали вам привет. Беспокоятся о вашем здоровье, – не моргнув глазом отвечал капитан.

Андрей счёл за благо солгать. Во-первых, чтобы без лишних помех расспросить женщину по делу. Ну, а во-вторых, ему просто не хотелось расстраивать бабушку. Сташевич искренне пожалел старушку. Сколько ей там осталось? Пусть поживёт в счастливом неведении. Капитан выудил из вещмешка чуть початую стеклянную банку с красной лососевой икрой. Этот распостранённый в здешних краях деликатес приготовила мужу в дорогу Даша.

– Это вам от Лены, – прокомментировал он своё подношение.

– Какая же она заботливая! – прослезилась старая учительница Станислава Каземировна.

Сведения о профессии бабушки, а также её имя-отчество-фамилию Сташевич просто почерпнул из большой групповой школьной фотографии на стене. На карточке были изображены портреты старшеклассников в овальных рамках. Лицо хозяйки квартиры находилось в центре.

«Класс. Рук. 10-А. Ст. Каз. Поплавская», – вывел под ней белым шрифтом неизвестный умник-фотограф. И ещё одна важная деталь обратила на себя внимание Андрея. На одной из висящих на стене фотографий Елена была запечатлена в домашней обстановке с крохотной новорождённой дочкой на руках.

– Наверное, сразу после роддома, – догадался Андрей.

Но дело было не в этом. За спиной Поплавской, на заднем плане, видна была книжная полка. На ней на фоне книжных корешков отчётливо просматривались семеро старых знакомцев Сташевича. Пресловутые слоники с задранными на счастье хоботами.

«Вот только помнится, что в бирюславском доме Елены этих слоников было всего лишь шесть. Где же седьмой? Наверное, разбился в дороге», – задумался над новой загадкой капитан, разглядывая фотографию на стене.

За его спиной раздался голос старушки:

– Это Леночка сразу после рождения Машеньки. Видите слоников за спиной Лены? То память о её муже, моём внучатом племяннике Василии. Если по-домашнему, то Войцеха. В общем-то, это всё, что от него осталось, – с грустью вздохнула Станислава Каземировна. –

Он ведь у нас художником-ювелиром был. Резьбой по кости и камню увлекался, историю ювелирного дела изучал.

Андрей удивленно хмыкнул.

– Между прочим, – с гордостью за племянника продолжила старушка, – наш Войцех хаживал в любимых учениках первого ювелира Иркутска, товарища Каплана Льва Ароновича. Он и сейчас хоть и старик, но мастерства, говорят, всё ещё не утратил. Слоников этих Войцех из цельного моржового клыка вырезал. Они только с виду фарфоровые! Кстати, один из этих зверей с секретом. Если чуть прижать хобот и повернуть его влево, туловище этого эlefанта разделится на две ровных половинки. Такой вот забавный тайничок...

«Интересно, – с досадой подумал Сташевич. – Эх, надо бы повидаться с этим старичком-ювелиром! Чувствую, что-то за этим всем кроется. Поговорить бы по душам с этим Капланом Львом Ароновичем. Да жаль, времени нет».

Дав старушке выговориться, на ходу импровизируя, он приступил, наконец, к делу:

– Дело в том, Станислава Каземировна, что военная прокуратура просит вас о содействии. Я не имею права всё рассказывать, но вскрылись некие обстоятельства, связанные с вашим погибшим племянником. Скажите, вы не замечали каких-то странностей? Не появлялись ли у вас в последнее время какие-то непонятные люди с расспросами? Не интересовались ли они Еленой или её мужем?

Поплавская на это удивилась, пожав плечами:

– Чем же я могу помочь? Вы бы у Лены и спросили, она бы вам всё и рассказала. После того как приехал к ней в прошлом году однополчанин Войцеха с последним его письмом и посылочкой, никто вроде больше и не появлялся. Этот однополчанин Лене ещё последний подарок от мужа Войцеха передал. Красивый такой подарок, камею с женским профилем.

– Камею?

– Да, украшение из камня. Леночка тогда растрогалась, расплакалась и сразу же эту камею на шею надела. Потом этот однополчанин ещё раз заходил, очень возбуждённый был почему-то. А Лена сразу после его ухода камею с себя сняла и куда-то спрятала. Сама же вскоре уехала. В такой спешке, будто бежала. Ей должность заведующей лазаретом предложили в дальнем районе, вот она и уехала с Машенькой. Благо девочке в школу ещё не скоро. Леночка-то с Машенькой планировала через пару-тройку лет на Украину перебраться, в наш родной город Червены, к моей младшей сестрёнке Ядвиге. Там хорошо, и домик у них чудом сохранился... Ядя моя тоже вдова, мамочка-одиночка, дочку воспитывает. Вместе с Леночкой и Машенькой им веселее будет. А пока вот Леночка, чтобы не быть в тягость Ядвиге, решила денег немного заработать на периферии. Где-то у вас в Приангарье...

– А как он выглядел, этот однополчанин погибшего мужа Лены? – прервал лишние семейные откровения старушки Сташевич.

Капитан вдруг почувствовал хорошо знакомый ему охотничий азарт ищейки. Он весь как будто встрепенулся, изготовился к поиску и погоне за добычей.

– Странно, что вы об этом у меня спрашиваете, а не напрямую у Лены, – ещё раз удивилась старушка. Но тут же, улыбнувшись, продолжила: – Приятный был мужчина! Смуглый, усатенький, улыбочивый. Смешливый такой дядечка с ямочками на щеках. Только говорлив не в меру. Всё говорит да говорит, будто просо курочкам сыпет. Фамилия у него ещё такая смешная была, да только я запомнила.

– Гришаня! – не удержался Сташевич от упоминания всеу веселого начпрода из Бирюслага.

– Именно! Именно Гришаня, – обрадовалась старушка. – Привет ему от меня передайте, если встретите.

– Встречу, – уверенно кивнул капитан. Место будущей встречи ему было известно хорошо.

Глава пятая. Ювелир Каплан

Выйдя на крыльцо дома Поплавских, Андрей взглянул на часы. До поезда на Тайшет оставалось меньше двух часов.

– А может, я ещё успею заскочить в гости к старичку Каплану? – заколебался Сташевич. – Хоть режь меня, но чувствую, что этот Лев Иосифович в теме Поплавских очень даже при делах.

Андрею повезло. Ювелир оказался на месте. В маленьком помещении ломбарда, за традиционным стеклянным окошечком, на высоком круглом стуле восседал субтильный дедушка, седенький и благообразный, в ослепительно белой сорочке. Синие бухгалтерские нарукавники, чёрная атласная жилетка и особенно лихо сдвинутая на затылок ермолка, обрамлённая венчиком редких белоснежных кудрей, – все эти детали вместе создавали гармоничный и совершенный, типично семитский ювелирный образ старичка. С помощью вставленного в левый глаз увеличительного монокуляра дед внимательно изучал неведомую вещицу, таинственно посверкивающую в лучах мощной настольной лампы.

«Красавчик! Ему бы вместо белой сорочки и жилетки – длиннополый шёлковый кафтан да цветной колпак на голову вместо ермолки, – улыбнулся про себя Сташевич, – получился бы настоящий волшебный персонаж Оле Лукойе из сказок Андерсена».

– В данной обстановке пёстрый колпак с кафтаном выглядел бы несколько неуместно, – пробормотал себе под нос дед.

– Здра-авствуйте! Я капитан Сташевич! А вы, похоже, чужие мысли читаете? – промямлил порядком растерявшийся Андрей. – Как Вольф Мессинг?

Старичок отложил в сторону изучаемый объект и выронил в подставленную ладонь монокуляр, чтобы поднять на опешившего визитёра младенчески голубые глаза.

– Оставьте эти глупости, милый юноша! Я не великий Вольф Григорьевич, а всего лишь скромный Лев Аронович, – улыбнулся старик белоснежной вставной улыбкой. – Поживите с моё – и вы таки тоже начнёте читать чужие мысли. Хотя не исключено, что к тому времени вы уже будете немножко путаться в собственных...

Андрей взял себя в руки и перешёл к делу. Он представился, описал внешность начпрода и спросил ювелира, не встречался ли тот с Гришаней.

– Разумеется, – пожал плечами старик. – Глупо отрицать, когда вы уже имеете информацию от пани Поплавской-старшей. Таки да, был у меня этот милый говорун. Более того, у нас с ним состоялась сделка в форме купли-продажи.

Каплан покопался в конторке и выудил из ящика на свет божий какие-то бумажки, ухваченные канцелярской скрепкой.

– Вот, взгляните, дорогой товарищ из ВЧК! Это полный сборник квитанций о покупке интересующих вас ювелирных изделий, – он сунул под руку Сташевичу заполненные бисерным почерком квитки.

– Ого! – чуть было не присвистнул Сташевич. – Двадцать тысяч в червонцах тридцать седьмого года! Что же он такого вам продал? И почему, собственно, данной гигантской суммой не заинтересовались компетентные органы?

– Странно, что ваша контора не в курсе, – хмыкнул Каплан, с подозрением косясь на Сташевича. – Я обязан незамедлительно сообщать в наше родное ВЧК, то есть, простите старика, в наше любимое МГБ РСФСР²⁸, о любой сделке, превышающей сумму в двадцать пять тысяч

²⁸ **МГБ РСФСР** – Министерство государственной безопасности. Старик-ювелир запутался в бесконечных переименованиях и реорганизациях советских «компетентных» органов: ВЧК (1917 – 1922), ГПУ при НКВД РСФСР (1922—23), ОГПУ (1923—34), НКВД-НКГБ СССР (1934 – 43), НКГБ-НГБ СССР (1943—53), НКГБ-НГБ РСФСР (1941, 1943—53).

рублей. В этом случае, как видите, было меньше. Наша дорогая советская власть тоже иногда не совсем дура! Не хочет сдатчиков ценностей распугивать, а то ведь всё самое лучшее на чёрный рынок уплывёт. Раз – и поминай как звали. Ваш Гришаня сдал под опись довольно ценные ювелирные изделия. Отчитываться в их происхождении он был не обязан. В ориентировках из УГРО эти вещи тоже не значились. Так что всё законно! Вот читайте: кольцо с бриллиантом (одна штука), серьги с изумрудами и сапфирами (одна пара)...

Сташевич слушал старика, и его не оставляло чувство, что Каплан не до конца с ним откровенен. Кончилось всё тем, что дед, уловив взгляд Андрея, несколько раздражённо попенял ему:

– Послушайте, юн... простите, товарищ капитан! Какой откровенности вы ждёте от заведующего ювелирной скупкой?! Ну, получил человек неоформленное наследство от покойной тетушки! Если бы я мотал языком направо и налево, как юнга палубной шваброй, кто бы захотел иметь дело со старым Капланом?! Вот будет у вас дело по всей форме на гражданина Гришаню, тогда милости просим! Мне бояться нечего, все мои миллионы вот в этом красавчике!

Каплан показал взглядом на прибитую к стене деревянную рамку. В ней красовался пуно-золотой, весь в венках и знамёнах то ли диплом, то ли почётная грамота. Ниже диплома-грамоты в такой же рамке висел под стеклом газетный разворот. Ежедневник «Ангарский большевик» с большой фотографией во всю полосу. На фоне новенького танка Т-34 какой-то солидный дядя в компании четырёх улыбающихся юных танкистов в шлемофонах и комбинезонах, наклонившись, пожимал обе руки маленькому Каплану.

– Надеюсь, что мой бронированный отпрыск намотал на свои траки не одну нацистскую гадину! – не без злорадства ухмыльнулся Лев Иосифович.

Андрей перевел взгляд на него.

– Кстати, – встрепёнувшись, вдруг оживился старик, – а на каком именно фронте вы, товарищ капитан, воевали?

– На Первом Украинском, – охотно ответил Сташевич.

– Да что вы? Не может быть! – радостно всплеснул руками Каплан. – И мой Ари-сташа там же геройствовал. Третья красногвардейская дивизия, пятый ударный танковый полк. До самого их прусского логова Бреслау дошёл мой сынуля.

– Ваш сын?! – приятно удивился Андрей. – Пятый ударный танковый – наши соседи были. Да мы с вашим сыном чуть ли не однополчане.

– Ну да! – печально вздохнул Каплан. – Только Аристарх – это танк.

Глазами старик показал на газетную фотографию.

– Так я свою «тридцать четвёрку» назвал. В честь безвременно погибшего моего родного сына, – ювелир на миг поднял глаза, чтобы пристально взглянуть на Сташевича. – Вы знаете, что... э-э...

– Что?

– Вы знаете, пан Анджей, – как ни в чём не бывало продолжил он. – Эту нашу встречу надо отметить!

Андрей точно помнил, что имени своего он старику не сообщал. Поэтому, как и в начале их разговора, ему снова стало не по себе от такой необычной, чуть ли не мистической пронительности старого ювелира.

Между тем дед просеменил к огромному сейфу. Лязгнув ключом, он достал оттуда початую бутылку водки и на скорую руку принялся накрывать стол.

– Мне на поезд ещё! – попытался остановить старика Сташевич.

– Успеете, Андриюша, – отмахнулся тот. – Ваш поезд опоздает не меньше, чем на шесть с половиной часов.

Взглянув на вытянувшуюся физиономию капитана, дед довольно захихикал:

– Да шучу я! Шучу! Тайшетский почти всегда как минимум на полсутки опаздывает...

Капкан прикрыл свою лавочку. Новые знакомые присели за стол. Выпили, закусили, поговорили за жизнь.

– Знаете, пан поляк, чего я не люблю в своих братьях-евреях? – захмелев, разоткровенничался старичок. – Не-ет! В антисемитизме мне, конечно, вас, поляков, не переплюнуть. Однако и мы хороши! Вечно-то мы без спросу лезем учить жизни народы, среди которых обретаемся! И вечно-то пытаемся быть, хе-хе, святее вашего Папы Римского!

Сташевич из вежливости кивнул и глубокомысленно покачал блондинистой головой.

– Знаете, далеко не все поляки... – начал было Андрей.

Однако Капкан, махнув рукой, его перебил:

– Был у меня недавно в гостях земляк мой. Молодой мужчина, еврей и, разумеется, военврач, – продолжил старик. – Так вот! Он воевал, дошёл до Силезии. Как его фамилия, не скажу, вам это не надо! Так он всё сокрушался, что русские солдаты шибко в Германии безобразничали. Особенно его интеллигентную психику потрясли ужасные многочисленные случаи изнасилования немок. Этот мой знакомый, я вам скажу, прямо негодованием пылал, так его эта тема задевала. И вы знаете, что я ему на это ответил?

– Что?

Пожевав губами и опустив голову, Капкан продолжил:

– Я ему так сказал: Семён, ты о чём? Ты хочешь, чтобы русские солдаты оказались паймальчиками, когда с ответным визитом явились в Германию? Побойся Бога! Ты же сам рассказывал, что немцы оставили после себя в России и на Украине. Если бы не эти дурно воспитанные советские парни, Гитлер уничтожил бы всех наших под корень. Ты об этом не думал? Когда в следующий раз ты захочешь пожалеть немок с их измочаленными арийскими кошёлками, вспомни, пожалуйста, что ты чувствовал, когда присутствовал на вскрытии массовых захоронений. Что думал ты, еврейский врач, стоя над останками убитых немцами русских военнопленных, членов семей командиров Красной армии и, между прочим, бессчётным числом наших евреев? Ты же сам рассказывал о бездонных рвах, о тысячах голых трупах в них, о расстрелянных стариках, детях, беременных женщинах, о проткнутых штыками младенцах. После всего этого, Семен, я бы на твоём месте повернулся лицом к Западу и воззвал: «Там нет людей! Жги, Господь!»

Не особо удовлетворённый информацией, полученной им по делу Поплавских, Сташевич уже покидал ломбард, когда в дверях его нагнал голос Каплана:

– Простите болтливого старика, пан офицер! Jestem pewien, że zobaczymy się ponownie²⁹!

Уже в дверях Андрей повернулся к провожающему его старику, чтобы тихо заметить на прощание:

– Знаете, Лев Аронович... Я ваши чувства понимаю и разделяю. Но всё-таки мы не они! В Германии на моём участке фронта насильников без разговоров отправляли под трибунал.

Глава шестая. «Дело – табак»

По возвращении в лагерь Андрея ждал ещё один преинтересный сюрприз.

Перед самой командировкой в Иркутск он зачем-то принёс жене в лазарет жестянку с землёй. Это был песчаный грунт из того-самого погреба – с места, где он обнаружил тела Поплавских.

– И что прикажешь мне с этим делать? – удивлённо пожала плечами под белым халатом Даша.

– Сам не знаю! – задумчиво ответил Андрей. – Станный он какой-то, этот песок. Даже не знаю, как объяснить... Злой, что ли!

²⁹ Jestem pewien, że zobaczymy się ponownie (польск.) – Уверен, что мы ещё увидимся!

– Его бы в нормальную криминалистическую или хотя бы просто в химическую лабораторию на исследование отправить, – вздохнула Громова. – А у меня здесь что? Бинты да лекарства!

Сташевич воспользовался мыслью жены и прихватил с собой наполненную подозрительным песком жестянку. Однако в лаборатории иркутского Угро³⁰, куда Андрей сдуру сунулся, его просто послали. Хотя и вежливо, но далеко...

Теперь же капитан, держа в руках стеклянную литровую банку, замер посреди процедурного кабинета жениного лазарета. Эту ёмкость ему торжественно вручила сама Даша. Банка была до половины заполнена мутной жидкостью. На дне банки покоился толстый слой грязно-серого осадка, а у поверхности плавало что-то странное, похожее на сплетение тонких тёмно-золотистых червей.

– Это песчаный грунт из твоего погреба, – почти весело ответила на вопросительный взгляд мужа Даша.

– Из погреба?

– С места захоронения тел Поплавских, – поправившись, уточнила она. – Пришлось самой за новой порцией в тот жуткий подпол лазить! И знаешь, я у тебя гений!

– Никогда в этом не сомневался, – обнял жену Андрей. – Ты налила воду в грунт, в результате на поверхность всплыло что-то интересное.

– Именно так, – подтвердила Громова. – Кремневая взвесь осела на дно, а органика оказалась на поверхности. Я извлекла несколько её образцов, высушила и исследовала их под лупой. Как Шерлок Холмс!

– И что же? – искренне заинтересовался Андрей.

– Табак! – торжественно объявила Даша. – Натуральный, резанный соломкой табак. Поверь моему тонкому женскому обонянию. Я даже чихнула пару раз!

– Да ты у меня и вправду гений, – Сташевич крепко прижал жену к себе.

– Можешь сколько угодно иронизировать, однако налить воду в банку с грунтом догадалась именно я! – Даша отняла у Сташевича банку и, поставив её на стол, посвятила несколько минут непредосудительным супружеским объятьям и поцелуям.

Мысленно коря себя за цинизм, Сташевич не переставал размышлять о ходе следствия и в эти лирические моменты.

* * *

«Как тогда Гришаня это своё зелье представил? – выйдя после разговора с женой на крыльцо лазарета, вспоминал Андрей. – Тут у меня, товарищ капитан, два мешка табака курительного. Амерфорская сандаловая махорка! Поставка военная английская, ленд-лизовская. Говорят, где-то в Северной Индии её выращивают. Духовитая, злая как собака. Любой самый что ни на есть вонючий запах перешибает! Наш самосад по сравнению с ней – детская забава...»

– С табаком понятно, – продолжил дедуктировать Сташевич. – Гришаня наперёд всё продумал. Он своим заморским табачком лагерных собачек-ищеек от дома Поплавских отвалил. Наверняка Бабр тогда с кинологом на место происхождения прибыл. Не позаботься Гришаня о табаке, ищейки прямиком к нему домой, а то и на склад бы привели! Бьюсь об заклад, но Ефимыч махорочку эту не только в подполе, но и у крыльца дома обильно посеял. Схожу-ка я на продсклад. Навешу для начала нашего симпатягу Гришаню. Там посмотрим: сразу начать колоть Ефимыча или подождать немного.

³⁰ Угро – уголовный розыск.

Выглядел Аполлинарий Ефимович, надо сказать, неважно. Постарел, осунулся, да и привычная его весёлость вместе с обаянием куда-то подевались. И рукопожатие у Гришани тоже было так себе, не то что прежде. Не энергичное, а какое-то вялое, неуверенное.

– Ты как, вообще? – ловя ускользающий взгляд Гришани, озабоченно осведомился Сташевич. – Выглядишь не очень, Ефимыч! Не заболел?

– Приветствую, товарищ капитан! С возвращением! – даже не улыбнувшись, поздоровался Гришаня со Сташевичем.

– М-да! Сдал мужик! Что это? Неужели муки совести? – увидев такие перемены, удивился про себя Сташевич. Вслух заметил иное: – Никак хвораете?

– И то правда, товарищ капитан! – с грустным вздохом согласился начпрод. – Приболел я что-то. Сплю плохо. Нервы, видать! Всё кошмары какие-то мерещатся! По семье, жене и деткам, видать, стосковался. Убываю я, товарищ капитан, днями домой на большую землю. Товарищ майор Бабр меня сначала и слушать не хотел, заявление моё на увольнение порвал. А потом, видать, пожалел, на меня глядячи – подписал...

– Странно, – изобразил удивление Сташевич. – Мы же с тобой фронтовики, Ефимыч. Какие у нас могут быть нервы? Ты ещё скажи, что у тебя мигрени разыгрались, как у барышни!

– Точно! И мигрени тоже! – печально усмехнулся Гришаня. – Старею, видать. А что здесь? Осточертело всё. Даже дом здешний мне опостылел. Не могу там жить. Я последнее время к себе – на продсклад переселился. Думал, полегче станет. Да какое там! Ещё хуже! Ну да завтра всё кончится! Распрощаемся с вами, товарищ капитан. Товарищ майор Бабр шофёра мне выделил. Завтра на его грузовичке-япончике меня в район отвезут. С ветерком...

* * *

Ранним утром Сташевич и начлагеря Бабр в сопровождении шофёра Семёна пришли проводить в дальнюю дорогу симпатягу начпрода. Попрощаться с Гришаней, как ни странно, больше никто не явился. Вопреки ожиданиям вещей у отбывающего оказалось с собой немного. Небольшой баул да маленький коричневый фибровый чемоданчик. С последним, словно это было невесть какое сокровище, начпрод практически не расставался. Даже на землю не ставил. Постоянно держал при себе, крепко сжимая в правой руке дерматиновую ручку.

Неожиданно Сташевич шагнул к Гришане и, протянув руку к чемодану, попросил:

– Разреши, Ефимыч?

– Чего? Это зачем ещё? – забеспокоился мгновенно побледневший начпрод.

– Действительно, капитан! Зачем? – машинально потирая простреленное неделю назад плечо, удивился Бабр.

– А вот гражданин Гришаня нам сейчас всё и пояснит! – заявил Сташевич. – А заодно объяснит степень своей причастности к смерти Елены Поплавской с дочерью!

– Что-о? – выпучив глаза, протянул оторопевший от происходящего Бабр.

Капитан подошёл к начпроду и попытался вытащить из потной ладони Ефимыча зажатую в ней ручку злосчастного чемодана. Тот вдруг проявил неожиданную прыть. Оттолкнув Андрея, Гришаня отскочил в сторону. Свободной рукой он выхватил из кармана пиджака маленький серебристый пистолет и направил его на капитана.

– Дамский браунинг, – автоматически отметил про себя Андрей. – На таком небольшом расстоянии штука вполне эффективная.

– Не подходи! Убью! – прошипел начпрод. Не отводя злобных глаз от Сташевича, он бросил стоящему неподалёку обомлевшему шофёру: – Семён! Ключи от грузовика! Кидай мне под ноги!

Шофёр нетвёрдой рукой выполнил приказание. Маленький и нетяжёлый ключ зажигания от престарелой «японочки» «Куругане» не долетел до указанного места. Он упал ровно посередине между Андреем и Гришаней.

– Чёрт полорукий! – сквозь зубы обругал шофёра начпрод.

Не сводя глаз с капитана, Гришаня сделал несколько осторожных шагов ему навстречу. Начпрод поставил свой драгоценный чемоданчик на землю и медленно, чтобы поднять ключ, присел на корточки. Он был уверен, что контролирует ситуацию, поскольку дуло его браунинга по-прежнему было нацелено в грудь Сташевичу. В этом состояла роковая ошибка Ефимыча!

Бывший интендант пехотного полка легкомысленно сократил дистанцию с безоружным, но слишком опасным для себя противником. Бывший фронтовой разведчик Сташевич «качнул маятник». Неожиданно всем корпусом он подался вправо и почти одновременно с прогремевшим выстрелом резко ушёл влево. Опережая следующую пулю, капитан упал на землю. Своими длинными ногами, словно ножницами, он подсёк и мгновенно опрокинул навзничь буйного начпрода.

– Стоять, мать твою! Ку-урва шустра! – сопровождал Андрей темпераментным русско-польским шипением успешное окончание дела.

* * *

Словно заклёванный в драке петух, взъерошенный Гришаня сидел на ступеньке так и не угнанного им грузовичка «Куругане». Был он весь какой-то помятый и с подбитым глазом. Правая рука висела у тускло-зелёной двери машины, пристёгнутая воронёным «браслетом» к ручке. Предвидя подобное развитие событий, наручники капитан Сташевич приготовил заранее.

А глаз задержанному начпроду сгоряча подбил начлагеря Бабр. После глаза он собирався продолжить, чтобы посредством здоровой руки изрядно намять бока Ефимычу. Однако Андрею силой и уговорами удалось остановить этот бабровский самосуд. Впрочем, это заняло какое-то время, так что преступник успел получить свою порцию увесистых «люлей».

– Любовь Михайловна! Семён! Товарищ майор! Подойдите, пожалуйста, ближе, граждане понятые, – почти торжественно произнёс Сташевич.

В свой законный выходной поднятая ни свет ни заря, моргая заспанными недоумевающими глазами, повариха Любовь Михайловна покорно выполнила указание начальства. Растерзанный, со вскрытой подкладкой чемоданчик Гришани явил Сташевичу с Бабром, а также гражданам понятым сравнительно немного. Начпрод за каким-то лучшим упаковал в этот чемодан увесистый, килограмма на четыре, мешок с никому не нужной «аморфорской» махоркой.

– Ефимыч, похоже, совсем сбрендил! – удивлялся про себя капитан. – Он что, и дальше, по дороге в Иркутск, собирався следы этим табаком замечать?

Кроме табака в чемоданчике оказалась пара увесистых пачек советских денег. Спрятанная в этом табаке, завернутая в полотенце, купюрами тридцать седьмого года и номиналом в десять червонцев³¹ каждая, кучка денег порадовала глаза сыщиков.

«Понятно, что это деньги от Каплана. Двадцать тысяч рублей! Сумма огромная! – нервно размышлял Андрей. – Больше, чем годовая зарплата главного инженера большого завода в Центральной России. На такую сумму с нелегальной доплатой и при посредстве чёрного маклера можно приобрести отдельную квартиру в любом небольшом городе. А если вполне законно, то добротный деревенский домик или приличную дачу в пригороде. Говорят, в Советском Союзе богачей нет! А ведь это не так! Всякое бывает! У меня одноклассник Славка Семё-

³¹ Советский червонец 1937 года имел хождение на территории СССР до начала денежной реформы 1947 года. Один червонец приравнивался к 10 советским рублям.

нов, простой геолог, за успешную разведку месторождения редкоземельных металлов квартиру в центре Москвы и премию полмиллиона рублей получил! Да, но Гришаня-то не геолог! Да и колечки с серёжками, сданные Каплану у Ефимыча, откуда? Трофеи из Германии? Скорее всего! Он ведь воевал, интендант чёртот, или вроде того!»

Стоящий в сторонке неприметный баул Гришани оказался более тороват. В его недрах среди исподнего и нехитрой закуски нашёлся заветный узелок с шестью алмазными кольцами, тремя парами серёг и ещё парой массивных золотых браслетов с камешками.

«Криминал? Без сомнения! Значит, не все ценности Ефимыч сдал в иркутский ломбард, – поглядывая в сторону нахохлившегося Гришани, продолжал размышлять Сташевич. – Вооружённое сопротивление при задержании на нём уже есть, а вот всё прочее – это ещё доказывать надо. Ефимыч, конечно, не самый великий миллионщик! Копни нынче каждого третьего снабженца, ещё не такое богатство сыщется! Но ведь кроме этого что-то более важное должно найтись! Чувствую, что должно! Только вот что?»

Часть третья

«Призрачная камея»

Вместо пролога

Бравен не любил кинофильмов. Причём сам толком не знал почему. «Ожившие картины» настораживали, да что там – откровенно пугали его с раннего детства. Об этом факте Вальтер, разумеется, не распространялся. Однако в свете вышеизложенного разъезжавшие по фронтовым частям кинопередвижки с откровенно пропагандистскими и развлекательными ностальгически-мирными музыкальными фильмами его ничуть не интересовали. В моменты фронтового затишья, пока товарищи с нескрываемым удовольствием отдавались во власть киноиллюзий, Бравен предпочитал завалиться на свою лежанку в блиндаже с очередной книжкой. Эта очередная «приблудная» книга, чаще всего ужасно потрёпанная, без обложки, начала и конца, с недостатком самых важных и ключевых страниц, именно поэтому казалась особенно желанной, загадочной и интересной.

Став бесправным лагерником, Вальтер возненавидел кино по-настоящему. Просмотр советских кинокартин, специально подобранных для «проходящих социалистическое перевоспитание» пленных немцев, являлся обязательным мероприятием. Бравен просто изнемогал на принудительных сеансах этой примитивной кинопродукции. Бесконечная лениниана, всегда заканчивающаяся прославлением ныне здравствующего усатого вождя и учителя. Дурацкие ярмарочные комедии с ломящимися от яств, мучительно длинными крестьянскими столами, мельтешащие по экрану туповато-весёлые и отвратительно сытые лица советских колхозников. Правду сказать, несколько веселили военные драмы и комедии, где их, немцев, кинематограф победителей изображал в виде бессмысленной орды клинических имбецилов и кретиннов. Появление на экране очередного придурка в немецкой форме частенько сопровождалось заметным оживлением в зале, ироническими смешками и даже похрюкиванием.

Когда в лагерь привезли новое «историческое кинополотно» о русском царе Иване Ужасном, Вальтер ожидал увидеть нечто подобное и на этот раз. И правда, фильм поначалу показался ему плохой пародией на провинциальный театр. Тем не менее ближе к середине картина неожиданно начала увлекать Бравена. Тёмные, мрачно-депрессивные, восточно-готические интерьеры русских дворцов. Гротесковый, почти клоунский грим, какие-то неудобные, немыслимые для нормального человека позы актёров. Дерганая мимика и постоянно выпученные глаза персонажей – приметы, свойственные людям скорее душевнобольным, чем здоровым. Бравен по ходу просмотра всё более убеждался в одном: создавая такие гомерические образы, этот знаменитый советский режиссёр, русский еврей Эйзенштейн, подспудно издевался как над самой официозной, сталинской версией русской истории, так и над своими недоучками-цензорами.

Погружаясь в атмосферу картины, в чём-то до болезненности родственную полотнам Иеронима Босха, Вальтер вдруг начал чувствовать всё возрастающую слабость и головокружение. Когда же больной Иван в пароксизме предсмертного ужаса принялся умолять бояр о присяге своему сыну, младенцу Димитрию, Бравен и сам сдал. К сильнейшему головокружению присоединились приступы нутряной тошноты, особенно мучительные для пустого желудка. Впрочем, никто из соседей в полутёмном зале лагерного клуба не обращал внимания на него, скрючившегося на краю длинной скамьи в дальнем углу культбарака.

«Чёртова моя голова! Чёртовы контузии!» – успел подумать Вальтер и потерял сознание одновременно с умирающим на экране сумасшедшим русским царём.

Видение Вальтера Бравена

Генрих фон Бравен

Август 1941-го

Моторизованный зондербатальон СС *Gespenst*³² под командой штурмбанфюрера³³ фон Бравена входил в укрытый летней густой зеленью больничный городок. Батальону для выполнения задания пришлось выдвинуться на юг от города Червены, где подразделение уже проделало огромную работу по зачистке территории от евреев. Наименование места предстоящей спецоперации неподалёку от бывшей границы с Польшей являло собой образец совершенно непроизносимой славянской тарабарщины.

«Окнеф лёк», – Генрих ещё раз попытался воспроизвести вслух это лингвистическое безобразие, но не преуспел, а потому решил, что до конца операции будет именовать этот место попросту «Клиникой».

Остро отточенным карандашом фон Бравен зачеркнул на карте старое то ли украинское, то ли польское название и написал сверху новое немецкое – *Klinik*. Полюбовавшись с минуту на дело рук своих, Генрих почувствовал себя конкистадором великого рейха, чистильщиком от варваров, расширителем новых жизненных пространств и, наконец, героем германской нации. Эта мысль, как всегда, порадовала комбата и настроила его на рабочий лад.

Офицер распахнул пятнистую серо-коричневую дверцу бронетранспортёра и, проигнорировав ступеньку, молодежато спрыгнул на чисто выметенную, мощёную жёлтым камнем дорожку. Сорокалетний Генрих фон Бравен пребывал в прекрасной физической форме и замечательном настроении. От природы худощавый и высокий австриец обладал, как и подобает арийцу, нордическим складом психики и отменным здоровьем.

Генриху сразу пришлось по вкусу добротно выстроенное краснокирпичное здание.

«Это и есть главный корпус самой больницы», – догадался фон Бравен.

Неведомый архитектор начала прошлого века был настоящим арийским профессионалом. Элементы готики он сочетал с тогдашним модерном. Получилось нечто симпатичное, смахивающее на резиденцию германского курфюрста начала восемнадцатого века. Три этажа, стрельчатые окна, высокие, стройные, словно фрейлины, башенки с бойницами. Само здание, длинное как змея, терялось где-то в зелени деревьев.

«Идеальное место для штаба и большой казармы, – удовлетворённо, полной грудью вздохнул австриец. – Тысячу раз был прав фюрер, когда говорил: «Настоящее безумие – это тратить ресурсы государства на содержание безнадёжных душевнобольных, несчастных, бесполезных для общества паразитов «»».

После своего перевода из Польши на Украину Генрих имел аудиенцию с рейхскомиссаром Эрихом Кохом. От этой встречи у штурмбанфюрера остались самые неприятные впечатления. Толстый низенький плебей Кох выказал полное отсутствие воспитания и уважения к стоящему перед ним навязку офицеру и дворянину. Кох ненавидел родовитых военных, а потому, исходя лишь из одного непреодолимого желания напакостить очередному дворянчику, принялся требовать перевода личного состава батальона фон Бравена в боевые части Восточного фронта. В распоряжение Генриха вместо трёхсот пятидесяти отборных немецких солдат рейхскомиссар попытался всучить грязную славянскую банду, семьсот полицейских-украинцев из Галиции. Ему, герою французской кампании, предлагалось принять под

³² **Gespenst** (нем.) – призрак

³³ **Штурмбанфюрер** – офицерское звание в СС соответствовало майору вермахта, однако, согласно принятой иерархии, было равнозначно подполковнику.

командование шваль, толпу неполноценных унтерменшей. Штурмбанфюреру, чтобы избежать такого позора, пришлось обратиться за содействием к самому Розенбергу, благо в это самое время тот находился на Украине с инспекцией. Рейхсляйтер пошёл навстречу любимцу фюрера, а Кох не посмел возразить главному идеологу НСДАП. Тем не менее злобу на строптивца фон Бравена могущественный толстяк затаил.

В окружении шести офицеров, командиров трёх рот и их заместителей, фон Бравен вошёл со стороны главного входа в просторный приёмный покой больницы. Перед этим солдаты тщательно обыскали здание, но ничего подозрительного не обнаружили. Оставшийся медперсонал, не успевший или не пожелавший эвакуироваться со спешно отступавшими русскими, солдаты заперли в столовой. Пациентов же оставили в их палатах. Как выразился первый среди офицеров батальона чёрный юморист гауптштурмфюрер³⁴ Миних, «дождаться выезда на пикник».

Генрих недолюбливал Миниха. По его глубокому убеждению, грязная и неприятная, но необходимая для будущего Рейха работа, которой он руководил, не подлежала легкомысленному вышучиванию. Напротив, всякий неглупый офицер был просто обязан относиться к генеральной зачистке их общего немецкого жизненного пространства с подобающим уважением. Так должно было быть, но так не было. Большинство офицеров вермахта при общении с ним выказывали едва прикрытое благоразумной маской холодной вежливости презрение. В их глазах фон Бравен не раз замечал плохо скрываемую брезгливость, словно они вынужденно общались с дурнопахнущим золотарём.

И это при том, что он был единственным родовитым командиром, да и просто офицером с дворянской приставкой «фон» в списках личных составов воинских спецчастей. Таких же, подобных Gespenst, команд и батальонов, занимающихся «генеральной уборкой» на вновь присоединённых к рейху территориях. Барон Генрих фон Бравен сам проявил инициативу, сам вызвался принять командование над своим действующим подразделением, работающим как часы «Призраком». Более того, он сам и придумал это его нынешнее наименование – Gespenst. И уж конечно, Генрих не был трусом. Фон Бравен не раз выказывал свою воинскую доблесть как во Франции, так и в Польше. Война с большевистской Россией явно шла к победному концу. На фронте прекрасно могли обойтись и без его, фон Бравена, помощи. Кто-то должен был начинать грязную работу в тылу. В первую очередь Генрих являлся верным солдатом фюрера, вдохновенным идейным бойцом партии, и уже во вторую или даже третью – дворянином, «голубых кровей» бароном, отягощённым весьма и весьма устаревшим дворянским кодексом чести.

И уж конечно, никто не знал, никто даже не догадывался, какой катарсис, какой подъём арийского духа переживало всё естество Генриха, когда он лично, да-да, именно лично, принимал участие в ликвидации очередной группы недочеловеков. И пусть сейчас все бывшие друзья с надменными лицами отвернулись от него. Придёт время, и они поймут! Все они примут и оценят его идейный, его истинно арийский порыв!

* * *

Для начала штурмбанфюрер со свитой проследовал в столовую, чтобы взглянуть на медперсонал. Доктора, медбратья и санитары объекта «Клиника», в отличие от своих пациентов, обязательной ликвидации не подлежали. Впрочем, такие вопросы отдавались командиру Gespenst на личное усмотрение. Возглавлял перепуганную группу врачей-мозгоправов высокий сутулый мужчина в возрасте, типичный профессор с академической бородкой и в пенсне.

³⁴ Гауптштурмфюрер СС – офицерское звание в СС, соответствовало гауптману (капитану) вермахта.

Ординарец фон Бравена услужливо подал командиру тонкую папку – досье на медперсонал клиники.

«А профессор-то у нас с душком, – едва прочитав первый лист, заключил Генрих. – Итак, Вацлав Сташевич, пятьдесят семь лет – образованный „пшек“, завкафедрой психиатрии Львовского университета, а по совместительству ещё и директор сей живописной клиники. С ним всё ясно, польская профессура по приказу доброго знакомого Генриха, рейхсляйтера Розенберга, подлежит наряду с евреями первоочередной ликвидации. И это правильно! – мысленно согласился со своим покровителем подполковник. – Незачем в будущем рейхе неполноценным славянам вроде поляков или чехов иметь свою интеллектуальную элиту. От этого один вред. Удел унтерменьшей – низкоквалифицированный труд на благо своих арийских господ».

Фон Бравен взглянул на следующее досье. С фотографии смотрела светловолосая красавица. Главный врач Ванда Сташевич, тридцать четыре года, молодая супруга директора клиники.

Генрих поднял голову. Женщина с фотографии стояла рядом с профессором. Вживую она оказалась ещё лучше. Высокая, стройная, совершенно прелестная польская пани. Белоснежный халат только подчёркивал её слепящую красоту. Такая фемина с юных лет привыкла к мужскому поклонению. Большие серые глаза смотрели на него, хозяина её жизни и смерти, бестрепетно и даже с наглым вызовом.

«Чёртова полячка с её чёртовым польским гонором, – с некоторым раздражением отметил Генрих. – Ну что же, как говорит всё тот же остроумец Миних, „гонор у мёртвых пшек проходит на удивление быстро“».

Командир искоса взглянул на стоящую поодаль группу молодых офицеров. Все как один тарасились на златовласую красавицу с плохо скрываемым вожделением.

«Ненасытные кобели! – добродушно усмехнулся про себя Генрих. – Похоже, мои парни собираются сегодня же вечером сбить спесь с этой пани...»

Оставшийся персонал, нескольких медбратьев и санитаров-украинцев, фон Бравен велел отпустить восвояси до начала операции. Подполковник лишней крови не жаждал, ответственному и добросовестному исполнителю важной работы претили любые излишества.

– Прошу прощения, герр штурмбанфюрер! Осмелюсь вас немного побеспокоить, – раздалась за спиной Генриха неожиданно правильная немецкая речь.

Фон Бравен повернулся на голос. На него снизу вверх глядел презабавный старичок.

Маленький, похожий на гнома в чёрной шёлковой жилетке и белой рубашке. Серебристые редкие седые кудри до плеч, чуть выпуклые тёмные глаза и породистый крупный нос немедленно подтолкнули фон Бравена к известному подозрению.

– Еврей? – брезгливо прищурившись, изумлённый такой безумной самоубийственной наглостью, собрался было произнести вслух подполковник, но дед, словно прочитав мысли Генриха, опередил его.

– Ну что вы, герр офицер! Как можно? – затараторил старец. – Меня зовут Людвиг. Мы с вами соотечественники! Я фольксдойче³⁵, можете проверить мой аусвайс³⁶, он выдан ещё год назад «Фольксдойче Миттельштелле» и находится в полном порядке.³⁷ Здесь, в клинике, я сорок лет служил главным управляющим, мажордомом, можно сказать. В ближайшее время моя семья в полном составе возвращается в Бреслау – на историческую Родину. А пока буду рад услужить. В распоряжении господина подполковника лучшие апартаменты замка. Позвольте, я

³⁵ **Фольксдойче** (нем. Volksdeutsche) – до 1945-го года «этнические германцы», живущие за пределами Германии.

³⁶ **Аусвайс** (нем.) – удостоверение, паспорт.

³⁷ **Фольксдойче Миттельштелле** – с 1941 года главное управление по делам соотечественников. Занималось нацистской пропагандой, репатриацией и переселением зарубежных немцев.

всё покажу вашему ординарцу, и уже нынешним вечером эти покои примут славного германского воина для отдыха...

Фон Бравен лично проверил документы Людвига и, убедившись в их подлинности, отослал прочь престарелого болтливого соотечественника.

«Ладно, пусть уже приготовит эти свои „роскошные апартаменты“! – снисходительно решил Генрих. – Иной раз можно себя и побаловать!»

* * *

Ординарец доложил, что им не придётся долго искать по окрестностям место для ликвидации двухсот душевнобольных. В полутора километрах, позади главных корпусов клиники, солдаты уже нашли весьма удобное место, сухую песчаную балку. Балку пересекает глубокий овраг с крутыми откосами. Этот овраг смахивает на оборонительный ров замка какого-нибудь средневекового феодала. После антропологической зачистки, чтобы присыпать трупы, отделению сапёров останется лишь взорвать высокие насыпи этого рва.

Ровно в шестнадцать тридцать солдаты, орудуя прикладами винтовок и дулами автоматов, погнали воющую и ноющую толпу безумцев через дубовую рощу к песчаному оврагу. Впереди, возглавляя своих пациентов, с подчёркнутым достоинством шествовал бледный как смерть профессор Сташевич.

«А этот поляк неплохо держится! Даром что шпак!» – с невольным уважением констатировал фон Бравен.

Австриец всегда лично присутствовал на окончательных стадиях зачисток. Не то чтобы этого требовал какой-то особый регламент. Нет. Просто для Генриха это было делом чести: не чураться самой грязной – финальной стадии своей работы. Но главное, чего старался не афишировать фон Бравен, – это необычайное эмоциональное и физиологическое возбуждение, вплоть до спонтанной эрекции, посещавшее его во время массовых утилизаций человеческого мусора. Генрих прощал себе эту маленькую слабость, ведь и он человек. Высокий и стройный, в идеально пригнанном по фигуре чёрном мундире стоял он на краю песчаного оврага. Как всегда, в позе, позаимствованной у фюрера: руки в чёрных перчатках, сомкнутые в замок, прикрывают пах.

Всё было кончено до наступления темноты. Отгрохотали пулемёты, отгремели один за другим шесть тротильных взрывов. С чувством приятной усталости и сознанием исполненного долга фон Бравен отправился на покой в свои комнаты. Ещё вчера это была квартира директора клиники Сташевича и его супруги.

Старый мажордом Людвиг не обманул, апартаменты действительно оказались роскошными. Кабинет, мраморная ванная, а спальня просто королевская. В нише стены – бывший, высотой почти в человеческий рост, с замурованным дымоходом камин. В центре – огромная старинная кровать с высоким бархатным балдахином – ныне выцветшего, но когда-то небесно-синего колера. Стрельчатое, как в старинных замках, окно во всю стену только добавляло романтизма этому жилому пространству. Генриху такая обстановка ужасно нравилась. Он был давним поклонником изысканного, подлинно барочного стиля.

Фон Бравен подошёл к столику с большим круглым венецианским зеркалом с благородной, как седина почтенного старца, едва заметной сеточкой крохотных трещин в серебряной амальгаме. Офицер небрежно откинул крышку небольшой шкатулки чёрного лака, стоящей посередине. Указательным пальцем он равнодушно поворошил горсть золотых и серебряных дамских украшений.

«Сокровища пани Ванды! Что ж, вряд ли они ей теперь потребуются. Надо будет приказать интенданту, чтобы активировал эти цацки как трофей. Казна рейха должна пополняться золотым ломом и ценностями!» – подавляя зевоту, рассеянно констатировал он.

Внимание Генриха привлекло слабое свечение, пробивающееся сквозь грудку украшений со дна шкапулки. Двумя пальцами он вытащил оттуда за тонкую серебряную цепочку овальный медальон-камею. Резной женский профиль жемчужного оттенка на чёрном обсидиановом фоне подклада неожиданно рассеял полумрак комнаты неярким, но каким-то всепроникающим зеленовато-белым светом.

«Занятно!» – подумал подполковник и, небрежно кинув камейку на столик рядом со шкапулкой, тут же забыл о ней.

Едва австриец блаженно вытянулся на белоснежных накрахмаленных простынях, как до его слуха донёсся сдавленный женский крик. Звук доносился откуда-то сверху, чуть ли не с крыши больничного здания.

«Похоже, пани Ванде не угодил кто-то из моих офицеров, – стараясь быть здраво циничным, подумал фон Бравен. – Что поделать, молодым мужчинам необходимо иногда расслабляться, особенно при нашей изнурительной, вредной для психики работе».

Чтобы успокоиться, Генрих включил ночник и, как всегда, в подобных, нервирующих его случаях, взял в руки висящий на длинной цепочке рядом со смертным овальный серебряный медальон. В нём хранилась чёрно-белая крохотная фотография. Портрет его сына Вальтера. Супруга Генриха, как и его матушка – вот проклятье рока! – умерла при родах. Малыша Вальтера воспитывала сестра отца, тётка Генриха, славная и честная, лишённая лишних сантиментов женщина, настоящая немка. Она жила сейчас в Кенигсберге в Восточной Пруссии. Пока фон Бравен доблестно служил Германии на Украине, его сын в составе третьей танковой бригады фон Бока готовился вскоре пролязгать стальными гусеницами победоносного немецкого панцервагена по брусчатке главной площади русской столицы. Генрих полюбовался на портрет своего светловолосого отпрыска, двадцатидвухлетнего лейтенанта Вальтера фон Бравена, и, как всегда, совершенно успокоился. Даже ещё один напоминающий звериный женский крик не вывел его из себя.

Генриху была омерзительна сама мысль о насилии над женщиной. Но, во-первых, славянская самка – не женщина, а во-вторых, жизнь диктует своё, и на то и дана мужчине железная воля, чтобы подавлять в себе атавистические ростки жалости и сострадания, слюнявое интеллигентское сочувствие к ближнему. Безусловное право на жизнь имеют лишь истинные арийцы. Яркий пример тому он сам, оберштурмбанфюрер фон Бравен. Приструнив невольную слабость, Генрих абсолютно успокоился и вскоре сладко уснул.

Здоровяка австрийца разбудили совершенно незнакомые ощущения: внезапно навалившееся удушье и острая, кинжальная боль в груди. Он резко сел на кровати, поставив на холодный каменный пол босые ступни. Генрих пощелкал выключателем ночника, электричества не было. В комнате царила непроглядная смолистая, словно чёрная нефть, тьма.

За окном вышла из-за плотных облаков Луна. Спальня наполнилась мягким призрачно-голубым светом. То, что увидел Генрих, не просто напугало его.

«Это» до краев затопило его душу диким первобытным ужасом.

Посреди комнаты стояла как будто смутно знакомая, но истерзанная до неузнаваемости женщина. Лицо – сплошной кровоподтёк, разбито сильным прямым ударом гневной мужской руки. Тело едва прикрывают остатки изодранного в клочья, заляпанного кровью, похоже, медицинского халата. Наружу торчит большая белая грудь с крупным тёмным соском, вокруг которого багровеет след от укуса. Плоский живот в ссадинах и синяках. Стройные ноги исчерчены полосками запёкшейся крови. Над тёмным треугольником волос на лобке длинные глубокие царапины – работа когтей неведомого зверя.

Женщина делает несколько медленных шагов по направлению к парализованному ужасом Генриху. На полу остаются узкие, кровавые отпечатки босых ступней.

Серебристым колокольчиком звенит в гулкой тишине нежный смех. Родной, смертельно родной голос.

– Хенке, мальчик! Иди к мамочке, малыш Хенке! – слышит фон Бравен своё давно позабытое младенческое имя.

Этот голос Генрих никогда бы не перепутал ни с каким другим. Не может человек забыть голос матери, особенно когда мать умирает, а человеку всего лишь шесть лет от роду...

Сердце в груди австрийца снова болезненно сжалось и тут же затрепетало, задёргалось в смертельном ужасе, словно попавший в верёвочные силки голубь. После нескольких секунд хаотичной активности оно сократилось и расширилось ещё дважды, после чего остановилось...

* * *

Вальтер Бравен, хрипло застонав, с трудом очнулся от этого дикого кошмара. Он теперь находился в бараке, лежал на своей лагерной койке. Видимо, верные друзья не оставили его валяться без чувств на холодном дощатом клубном полу и перенесли сюда. Но что за адское цветное кино ему показали? Побывать в теле собственного отца! Даже умереть в нём! Но до чего же яркий, какой совершенно реальный мир окружал его! Как будто всё происходило наяву. Ну уж нет! Не может быть! Это всё нервы! А если ещё вернее – адская смесь из последствий контузии и последующих травм головы. Вот что это! А ещё Шнитке! Проклятый Шнитке! Чёрный злобный колдун! Это всё из-за него...

Глава первая. Допрос «маркитанта»

Сташевич попытался допросить Гришаню «по горячему». Но тот пребывал в таком шоке, что капитан решил отложить допрос. Он запер потемневшего лицом преступного «маркитанта» в одиночку и отправился обыскивать его дом. Сделать он это решил от безнадёги, уже толком ни на что не надеясь.

Долго не находилось ничего интересного, пока Андрей не обратил внимание на чёрно-серую грязь на полу. Следы привели к нижней печной створке. Пошуровав среди прогоревшей золы кочергой, капитан вытащил на свет божий круглую перепачканную фигурку. Сташевич протёр находку обрывком газеты и чуть было не издал радостный возглас.

– Ага! Пропавший седьмой слоник из дома Поплавской! Как там у Фенимора Купера в его книжке про индейцев? Зверь с двумя хвостами! Чудо великого Мониту! Только вот беда – у этого волшебного зверя один хвост, и хобот у него обломан, – с сожалением отметил Андрей.

Вспомнился недавний разговор с пожилой учительницей из Иркутска, Станиславой Казимировной. Как там она рассказывала об этой, созданной её внучатым племянником Войцехом искусной игрушке?

«Слоников этих Войцех из цельного моржового клыка вырезал. Они только с виду фарфоровые! Кстати, один из этих зверьков с секретом. Если чуть прижать хобот и повернуть его влево, туловище этого элѐфанта разделится на две равные половинки. Такой вот забавный тайничок»...

Андрей прижал обломок хобота и повернул его влево. И действительно, округлое увесистое тельце в его руках распалось, словно грецкий орех, на две одинаковые скорлупки. В не запачканных золой костяных желтоватых внутренностях слона не оказалось ровным счётом ничего. Сташевич от разочарования чуть было не бросил раскуроченную безделицу на пол, но через мгновение передумал. Завернув останки слоника в обрывок газеты, он сунул их в карман галифе.

Не прошло и минуты, как судьба, сама устав от собственных загадок, сжалась над Андреем. Капитан уже собирался покинуть дом начпрода, когда на столе в горнице зазвонил телефон.

– Сташевич? – услышал Андрей в трубке начальственный рык Бабра. – Я так и знал, что ты у этого козла в доме. Нашел чего или нет? Ну да ладно! Мы тут с Ефимычем по душам потолковали. Запел голубчик! А куда ему деваться? Со мной люди завсегда откровенны! Я мужик задушевный! Короче, дуй в лагерь, прямиком в ШИЗО. Сам всё увидишь!

* * *

Судя по всему, майор Бабр в разговоре «по душам» со своим бывшим начпродом проявил бездну обаяния. Забившийся в угол тюремной койки бедолага Ефимыч смахивал сейчас на африканца, безжалостно искусанного дикими саванными пчёлами. Физиономия сизо-чёрная, глаза заплывшие, губы огромные, неестественно пухлые, словно вывернутые наизнанку. Особо колоритно смотрелись над этими негроидными губами роскошные будённовские усы Гришани. Впрочем, за последние пару часов, бурно проведённых их хозяином, красота могучей растительности изрядно поникла.

Сташевич с неприязнью покосился на Бабра. Оседлав табуретку, тот устроился посреди полутёмной одиночки.

«Варвар! Никакого понятия о психологии допроса. Один примитивный мордобой! Хорошо ещё, что не пытки», – мысленно осудил методы начальства Андрей.

Однако с фактом ему пришлось согласиться: как ни печально, но простые методы бывают порой весьма эффективны.

Майор был без кителя, в одной шерстяной исподней рубаше поверх галифе. Левый рукав закатан, костяшки огромного волосатого кулака сбиты. Начлагеря своей здоровой левой клешней, как оказалось, – вполне боевой, потирал рану под правым плечом. Через бинты и ткань нижней рубашки просочилось пятно крови. У ног Бабра лежал развязанный баул Гришани. А на развёрнутой газете красовалась нехитрая снедь: пяток варёных яиц и кирпич чернушки. Главным было иное: аппетитная, исходящая янтарным жиром крупная тушка копчёного байкальского омуля.

«Проголодался, что ли, наш тигро-медведь от трудов праведных?! – не без опаски покосился Андрей на своего начальника. – А что?! Зверю зверево»!

– Ты это, не косись на меня, капитан. А то, не ровен час, окосеешь. Интеллигенция, дрыть её, – перехватив взгляд Сташевича, хрипло прорычал Бабр. – Лучше погляди, какую начинку наш Ефимыч для омуля своего удумал!

Бабр хмуро мотнул башкой в сторону разложенных на газете закусок. Сташевич только сейчас заметил совсем маленький кожаный кисет, лежащий между чёрным хлебом и варёными яйцами. Он был таким же золотисто-рыжим, как и распотрошённый на газете копчёный омуль.

– И что же в нём? – адресуя вопрос Бабру, осторожно поинтересовался Андрей.

– А я почём знаю? – вопросом на вопрос ответил майор. – Вот Ефимыч, дрыть его, сам мне этот тайничок выдал, он и знает, что там! А мне-то откуда знать?!

Забывшись, майор при этом попытался пожать могучими плечами, но тут же скривился от боли в ране.

– Вдруг там что ценное! Может, бриллианты-камешки! – не без ёрничества продолжил Бабр. – Как без понятых-то! Нельзя! К тому же, Андрей Казимирыч, я сам тебя дознавателем в этом деле назначил. Тебе и банковать!

Пришлось действовать по всей законной форме. Впрочем, Андрей именно за это всегда и ратовал. На глазах у понятых и свидетелей Сташевич вытряхнул из кисета его содержимое.

На ладонь капитана выскользнул небольшой увесистый овал...

– Камея?! – не без разочарования удивился Андрей. Честно говоря, он надеялся увидеть что-нибудь более эффектное.

А про себя возмутился: понятно было, если бы здесь оказался какой-нибудь крупный бриллиант. Что-нибудь вроде коллинзовского «Лунного камня»³⁸ или, на худой конец, горсть крупных необработанных алмазов. Чёрт их дери, самоцветов! Ну ладно – самородок! Ну, золотой песок! Хотя! Весу в этом золоте было бы не так уж и много! Но камья?! Не идиот же Гришаня, чтобы из-за такой малости брать на душу две жизни, к тому же одну из них детскую?

Изыскано-аристократичный тонкий женский профиль с царственной диадемой на голове был искусно вырезан из белоснежного, с прозрачными прожилками камня. Подкладом ему служил угольно-чёрный неизвестный минерал. Камья уже несколько минут лежала в раскрытой ладони Андрея, но тепла его руки не перенимала. Напротив, словно кусочек льда, она даже слегка морозила кожу.

– Что это? – спросил он дуэтом с Бабром, глядя в распухшее лицо Гришани.

– Призрафная камья! – прошлёпал разбитыми губами начпрод. И вдруг закричал, срываясь на истошный бабий визг: – Люди добрые! Не убивал! Машеньку деточку не убивал! И Лену не убивал! Христом Богом клянусь!

С костяным стуком врезавшись коленями в грязный пол камеры, Гришаня свалился с койки. Он вцепился в свои волосы, ставшие за прошедшие несколько часов уже почти седыми, и дико, по-звериному, завыл...

«Злой следователь» майор Бабр остался сидеть посреди камеры на своей табуретке. «Добрый» капитан Сташевич разместился на койке рядом с допрашиваемым начпродом. Морщась от боли в разбитых губах, Аполлинаруй Ефимыч хлебал раскалённый чифирь из алюминиевой кружки. Не замечая жара, он обхватил казённую посуду как родную, двумя ладонями.

Гришаня давал показания. При этом начпрод безбожно шепелявил. Впрочем, понять его можно было вполне:

– Мы с Васяткой, с Поплавским то есть, в начале сорок пятого на фронте познакомились. Я в лейтенантах интендантской службы уже ходил, а его пару месяцев как призвали. А до того бронь у него была. Так нет, он упросил у военкома её снять. Малахольный, одно слово! У него дитё только родилось, жена молодая, а он на фронт! И главное, какого лешего? Васька, он же Войцех, «пшек»³⁹ по национальности! А туда же, в патриоты советские! – самозабвенно и шепеляво вещал Ефимыч, напрочь забыв о распухших губах.

Нарочито игнорируя «злого» Бабра, он при этом обращался исключительно к Андрею. Взглянув на физиономию Сташевича, вытянувшуюся при упоминании «пшек», бывший интендант осёкся. Но Андрей раздражённо махнул рукой – продолжай, мол!

– Ну, вот я и говорю, – не заставил себя упрашивать Гришаня. – Странный он был парень, Васька Поплавский. Ему, дурачку тощему, редкий фарт выпал. Начштаба дивизии откуда-то про его специальность гражданскую прознал. Как это: дипломированный ювелир-искусствовед – и не при деле?! Вот его оценщиком в трофейную команду и определили. Это ж дно золотое! Только знай, начальство не обижай, лучшим куском делись. А Васька, дурачок такой, всё в боевые части просился, будто без него, дистрофика, там не навоюют.

– А как вы познакомились? – спросил добрый следователь.

– Так и познакомились – я сам к нему подвалил. А что? Должность-то у старшего сержанта Поплавского больно ладная была. Прямо сказать, офицерская должность. А про его семейное положение я от писарей штабных прознал. Ну и предложил жене его с ребёнком, которая в Иркутске осталась, поставку усиленного продовольственного пайка наладить. Мне это со старыми моими связям вполне по силам было. Мы же с Поплавским почти земляки. Он

³⁸ В детективно-приключенческом романе английского писателя Уилки Коллинза «Лунный камень» речь идёт о редком и ценном жёлтом алмазе.

³⁹ «Пшек» – поляк, в русском языковом сленге имеет оскорбительно-пренебрежительный смысл.

из Иркутска, а я из Ангарска. А что? Дело доброе! Разве ж я не понимаю? У меня у самого четверо малых...

– М-да! Кому война, а кому мать родна, – не удержался от замечания Сташевич. – А ты, Ефимыч, как я погляжу, тот ещё жучара!

– Не мы такие, жизнь такая! – Гришаня покаянно опустил долу заплывшие очи. – А война, она никому не мёд! Мы, интенданты, тоже каждый день как по минному полю... Вы же знаете, гражданин капитан, сколько нашего брата-снабженца ваши смершевцы в расход без особых разбирательств пустили. Торговый человек – всегда жертва! Да я ничего и не говорю, чаще всего за дело постреливали... Война!

– Ты к делу давай, маркитант хренов! – резко оборвал Бабр разглагольствования Гришани.

– Короче говоря, – продолжил начпрод, – в этом месте Поплавский слабину дал. А что? Все люди! Принцип принципом, а жена с дитём важнее! Только навару, как ожидалось, от Васи много не вышло. То брошку, то часы швейцарские, то пару серёжек неучтённых подкинет. В апреле сорок пятого стояли мы уже в самой Германии, точнее, в Пруссии. В Нижней Силезии это было, под самым Бреслау. Теперь-то эти земли к полякам отошли, а тогда ещё германскими были. Красивые места, там ещё замок неподалёку оказался. Старинный, полуразваленный. Это после наших «катюш»! Вася Поплавский аж загорелся тогда весь – так его эти стены, плющом увитые, заинтересовали. Как щас помню, Васька говорил, что это замок какого-то маркграфа, прусского феодала. Мол, построен ещё в пятнадцатом веке. Ну и зачистил Поплавский в этот замок. А его предупреждали, что места эти беспокойные, вервольфовцы⁴⁰ там замечены были.

– Больше разговоров было об этом вервольфе! – ворчливо заметил Сташевич. – Немецкие мужики, что стар, что мал, наперегонки в наши комендатуры бежали на регистрацию! Дисциплинированная нация, мля!

– Так-то оно так! – со вздохом заметил Гришаня. – Да только Васю Поплавского его пуля в самом конце войны нашла. А до того вот оно, что вышло. Васька, он парень сердобольный был. Лазил он по этим прусским развалинам да всё рисовал что-то. Красиво рисовал. Художник, одно слово! Ну и встретил там Вася немца, деда древнего. Видел я его! Натурально божий одуван: горбоносый, маленький, сгорбленный, седой весь как лунь, курчавенький такой. А всё равно видно, что интеллигент! На голове чепчик круглый, в чистой белой рубашке. И где только этот дед её стирал? Жилет у него ещё был чёрный шёлковый. Людвигом того немца звали. Он позже ювелиром немецким, коллегой Васькиным оказался. Да только он там не один был, Людвиг этот. С семьёй он был. Дочка лет за пятьдесят хвора. И ещё девочки, две штуки, правнучки его. Близнецы лет по десяти. В каком-то склепе они там ютились. Ну, Васька пожалел их и давай продовольствие немцам этим таскать. Ну и дотаскался! Приходит как-то Поплавский в этот самый склеп, а там вся семья Людвига пострелянная лежит! А на стене знак этого самого вервольфа: кочерга с крестом. И надпись ещё «Tod für Verräter!» Ну, вы лучше меня знаете, гражданин капитан, – «Смерть предателям!»

– Знакомый почерк! – кивнул Сташевич. – Недоумки из гитлерюгенда! Фанатики малолетние! С нашими вояками связываться опасались, а потому чаще на своих стариках и бабах зло и бессилие вымещали.

– Не скажите, гражданин капитан! – возразил начпрод. – Бывало, и в наших эти вервольфы постреливали! Так что днём позже пуля, из развалин пущенная, старшего сержанта Поплавского и нашла.

Вздыхнув, Гришаня продолжил:

⁴⁰ **Вервольф** – немецкое ополчение, созданное для партизанских действий в тылу против Красной армии и союзнических войск в 1945 году. Формировалось из стариков и подростков 14–16 лет. Реальной эффективности, за исключением нескольких десятков диверсий, не проявило.

– Само по себе ранение было несмертельное – в грудь, навывлет. Да только пока Вася до расположения нашего добрался, крови много потерял. Прибегает ко мне санитар из лазарета. Говорит, Поплавский помирает, тебя, мол, зовёт. Ну, дело святое! Прибежал я к Васе в лазарет, а он уже и говорит-то с трудом. Глаза с поволокой, правая рука грудь ощупывает! В народе говорят, прибирается! Верный знак, смертный... Ну и тянет Васятка мой из-под подушки узелок малый да мне в руки суёт. На, говорит, Ефимыч, это тебе! Поскольку, мол, ты есть мой друг и человек добрый! Я оглянулся вокруг: мы-то за ширмой в палатке – и больше никого. Развязал я этот узелок, а там! Мать честна! Вот это хабар так хабар! Чего там только нет! Красота: перстеньки, серёжки, браслетики! Всё золото да камешки ценные. Васятка ещё малость поговорить успел, объяснился. Людвиг, старик этот убитый, вроде как отблагодарить благодетеля своего захотел. Видать, чувствовал дед судьбу свою, а заодно и всех своих женщин. Знал, что им не понадобится. У дедов древних такое бывает! А напоследок тянет Васька из-под подушки ещё штуку. Кисет кожаный, рыжий, махонький. Ну вот вы его сегодня в моём омуле и нашли...

– А в кисете камня? – догадался без особого труда Андрей.

– Так точно! Она самая! – кивнул Гришаня. – И было у покойничка моего слово крайнее, последняя воля его. Дескать, все колечки и браслетки с серёжками ты, друг Гришаня, себе оставь. А кисет этот с камешком резным передай жене моей Елене Иркутской, в смысле Смирновой-Поплавской. На вечную и добрую память о муже её Войцехе. Чистую правду вам говорю, гражданин капитан! Детками своими клянусь! Так всё и было!

Начлагеря Бабр вдруг побелел лицом. Сжав левую ладонь в огромный волосатый кулак, он с грозной неспешностью начал подниматься со своей табуретки.

– Так, значит, ты, тварь душная, от жадности своей Лену с дитём за эти цапки приговорил? – медленно направляясь в сторону кровати задержанного, с фальшивым спокойствием поинтересовался майор.

Выкатилась из рук Гришани и со стуком ударилась о каменный пол пустая алюминиевая кружка. Сташевич, понимая всю серьёзность момента, встал с тюремной койки, чтобы своим телом преградить путь Бабру.

– Да логика-то у тебя где, Иван Петрович?! – обращаясь к надвигающемуся майору, заполошно заверещал за его спиной Гришаня. – Зачем мне на смертоубийство-то идти? Я ж мог у Лены Поплавской даже не появляться! Кто бы узнал о моём с её мужиком разговоре?

– Может, и так, – вмиг успокоившись, остановился в задумчивости Бабр, – но ведь ты, начпрод, всё одно сейчас крутишь. Врёшь ты, мироед, или важного чего-то недоговариваешь. Я такие вещи за версту чую!

– А я ведь с товарищем майором согласен! – повернулся Сташевич к сжавшемуся в углу койки Гришане. – Хочешь, Аполлинарий Ефимыч, чтобы тебе поверили, выкладывай всё как было, начистоту.

– Скажу! Всю правду! Как на духу! – закивал бледным китайским болванчиком начпрод.

* * *

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.